

ГЛЕБ БОБРОВ
ФЕДОР БЕРЕЗИН

Я ДРАЛСЯ В НОВОРОССИИ!

НЕОБЪЯВЛЕННЫЕ
ВОЙНЫ

Необъявленные войны

Федор Березин

Я дрался в Новороссии!

«Махров»

Березин Ф. Д.

Я дрался в Новороссии! / Ф. Д. Березин — «Махров»,
— (Необъявленные войны)

Первая книга о рождении Новороссии и войне на Донбассе. «Окопная правда» ополченцев, защищающих свою землю от бандеровских карателей. Живые голоса тех, кто дерется против «укропов» в ДНР и ЛНР Русский мир против киевской хунты.

© Березин Ф. Д.
© Махров

Содержание

Предисловие от авторов	6
Ал Алустон	7
Честные люди	7
Невольничий рынок	12
Герои по сходной цене (рассказ)	16
Темнота – друг шахтера	22
Николай Иванов	24
Засечная черта	24
Группа изъятия (новелла)	35
Федор Березин	44
Виталий Даренский	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глеб Бобров, Федор Березин Я дрался в Новороссии!

© Ал Алустон, 2015
© Николай Иванов, 2015
© Федор Березин, 2015
© Виталий Даренский, 2015
© Иван Донецкий, 2015
© Владимир Казмин, 2015
© Андрей Кузнецов, 2015
© Варвара Мелехова, 2015
© Андрей Кокоулин, 2015
© Лариса Мосенко, 2015
© Михаил Надежин, 2015
© Юлия Сергеева, 2015
© Дмитрий Стешин, 2015
© Сергей Прасолов, 2015
© Глеб Бобров, 2015
© Алексей Полубота, 2015
© Георгий Савицкий, 2015
© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2015

* * *

Предисловие от авторов

О войне не пишут для войны.

Для чего же пишут? В чем смысл человеческих свидетельств об обстоятельствах непреодолимой силы, современниками, невольными участниками, а то и заложниками которых становятся целые поколения человеческого рода?

Воспитать? Предотвратить? Увы, нет. Тысячи книг, миллионы страниц написаны до нас. Ничье слово не остановило тех, кто пытался утвердить свое право сильного за счет человеческого «сырья». Сколько будет написано после нас?

На что же надеемся мы, авторы этого небольшого сборника, решившиеся рассказать о «непризнанной» войне? На что рассчитываем?

На существование момента истины. По нашему убеждению, он есть. Благодаря ему писательские свидетельства могут превратиться в обвинения, которые будут заслушаны если не судом, то историей.

И если не мы, то кто же поможет утверждению момента истины в нашем времени? Во времени, пресыщенном агрессивными мифами – от продвижения либерализма любыми средствами и до реинкарнации нацизма под лозунгами интеграции в «цивилизованный» мир. Во времени, где человека-песчинку превращают в исполнителя чужой воли, где его ЖИВУТ по прихоти сильных мира сего.

К самосознанию человека, не забывшего под бременем обстоятельств, что он – человек, и имеющего мужество жить по собственному разумению, и обращены наши строки.

И как бы ты, читатель, ни оценил их, ты оценишь это документальное повествование по достоинству. Ты обязательно поймешь, почему эта «непризнанная» война – только пролог к разлому цивилизации, по одну сторону которого мы с тобой, по другую – те, кто возомнил себя «шоколадным королем» истории. И обязательно вспомнишь простую истину: не в силе Бог, а в правде.

Ал Алустон

Честные люди

Особую роль в гражданской войне выполняли хозяева и директора водочных магазинов. Войска хунты ради спиртного были готовы на риск и преступления. Ополченцы были готовы на многое ради сведений о войсках хунты. Поэтому водочные боссы регулярно становились посредниками в тайных переговорах сторон.

Однажды Ломтю позвонил по Скайпу хозяин магазинчика с водочным отделом, располагающегося в нейтральном городке. У одного из офицеров хунты, артиллериста, было дело к командованию ополчения. Особую важность сигналу придавало то, что этот офицер командовал дивизионом РСЗО 9К51 «Град».

Переговоры должны были пройти лично, и обязательно с участием представителя командования ополчения. Это означало, что на встречу должен был отправиться или Колун, или его заместитель Шинданд (позывной взят по названию афганского города, за бои в окрестностях которого имел медаль), или начальник разведки.

Ломоть решил отправиться на встречу сам. Наблюдатели тщательно изучили обстановку, ничего подозрительного обнаружено не было. Разведчик взял с собой двоих бойцов – пулеметчика и снайпера, – сел на «тачанку», проселками и степью доехал до окрестностей городка. Дальше добирались пешком. Разместив бойцов на позициях, Ломоть вошел в подсобку магазина.

Его визави появился минут через восемь на «уазике» с солдатом-водителем. В магазин артиллерист зашел один, попросил продавца вызвать хозяина. Тот проводил офицера в подсобку и удалился.

– Ломоть, начальник разведки отряда ополчения Ивановки, армия Новороссии, – представился ополченец.

– Зови меня просто – капитан, – ответил офицер.

– Слушаю тебя, капитан.

– Продаю установку «Град». Пять тысяч евро. Наличными.

– Это предложение нам интересно, – кивнул Ломоть, обуреваемый разнообразными чувствами. Такого грозного оружия никому из его отряда еще никто не предлагал. И еще – нужна была немалая сумма. Таких денег не было – но и упускать товар было нельзя. – Расскажи в деталях.

– Я команду дивизионом 9К51. Это по штату 18 установок. Фактически – 16. Завтра-послезавтра мы будем перебазироваться сюда. Я уже несколько дней здесь, готовлю расположение для приема машин. Я выведу одну из машин из строя, мы ее отбуксируем до ближайшего села и оставим ремонтироваться. С установкой будет расчет – четыре человека. Поломка будет легкая, но найти причину будет непросто.

Захватываете машину, ликвидируете расчет – свидетели исключены. По факту платите пять тысяч евро наличными. Мы честные люди, я доверяю вам, вы, надеюсь, поверите мне.

– Расчет требуется именно ликвидировать? Не нейтрализовать, не взять в плен?

– Именно ликвидировать. Такое мое обязательное условие. Опытный эксперт по признакам поломки установит ее причину, и я могу попасть под подозрение.

– Как починить машину, скажешь?

– Не скажу. Чтобы не было соблазна починить ее сразу и уехать своим ходом. Машина должна быть уведена на буксире или трейлере при свидетелях. Я хочу остаться вне подозрений.

После уточнения остальных деталей собеседники расстались.

* * *

Колун принял решение обратиться за помощью к командованию. «Град» мог быть заминирован, мог быть поломан сильнее обещанного – а проверить это в отряде было некому. И еще – нужно было пять тысяч евро.

Командование одобрило операцию, прислало троих спецов – сапера, артиллериста и сопровождающего их стрелка. При артиллеристе находилась необходимая сумма.

* * *

Точное место «поломки» заранее указать было невозможно – из-за технических особенностей ее создания. Поэтому операция готовилась сразу в двух селах. Примерно на равном удалении от этих населенных пунктов были вырыты капониры для техники – БМП, трейлера, «тачанки». Позиции для техники замаскировали сетями, расставили по округе наблюдателей. В ночь перед операцией машины и бойцы заняли позиции.

Обещание артиллериста подтвердилось – в дальнейшем от Ивановки село на тягаче МТЛБ привели неисправную установку «Град». Оставив расчет при машине, тягач отцепил буксирный трос и уехал, догоняя колонну с остальными машинами дивизиона.

Когда колонна ушла на приличное расстояние, из капониров вывели «тачанку» и БМП, на скорости въехали в село. При установке нашли только одного солдата. Остальные были обнаружены в магазине, покупали перекусить.

Солдат оказалось пятеро.

– Я из отпуска, мотострелок, – пояснял пятый. – Вот, земляки подвезли... У вас условия какие в плену? Учтите, у меня гастрит!

– Учтем... – кивнул Ломоть.

Насчет постороннего солдата с капитаном договора не было, но оставлять свидетеля было нечестно.

– Из отпуска? Война только началась, а ты уже в отпуске побывал?

– Так причина же какая! Женился я! А откладывать нельзя, ребеночка ждем! Вот я и оформил наши отношения – как честный человек!

У Ломтя внезапно заломило в затылке, он покрутил шеей.

– Оставался бы ты дома...

– Вот и супружница моя то же говорила! А как я останусь? За дезертирство срок суровый, как она будет дите растить, если я в тюрьме буду?

– А если на войне убьют?

– Так уже не убьют! Я теперь в плену!

– Еще не в плену... Это – нейтральная зона, а то и вообще – вражеский тыл.

Присланный командованием сапер осмотрел установку и пришел к выводу, что она не заминирована. Эксперт-артиллерист оценил техническое состояние и принял решение, что машина в годном состоянии. Нужна только запчасть, которой у него при себе не было.

Пора было решать вопрос со свидетелями и увозить установку.

Ломоть зашел за дома, к степи, дал четыре коротких очереди из автомата, отобранного у одного из солдат-артиллеристов. Мотострелок возвращался из отпуска и был без оружия.

– Чего там? – встревожились пленные.

– Пора закругляться, – пояснил разведчик.

Он достал две бутылки водки, стакан, налил до краев, протянул одному из пленных.

– Дорога тяжелая будет, пей.

– Нам раньше никто перед тяжелой дорогой выпить не давал, – пожаловался солдат. – Прямо странно как-то... – он выпил, скривился и занюхал водку рукавом.

Вот и вся водка выпита. Пленные пьянели на глазах. Тем временем подъехал трейлер, зацепил лебедкой «Град», втянул на платформу, медленно пополз в степь, к капониру, чтобы устроиться там до ночи. За трейлером, прикрывая его, двинулась БМП. На броне расположился пленный пьяный мотострелок.

Ломоть прикрутил к стволу автомата глушитель и четырьмя короткими очередями убил артиллеристов. Таким огнем ПБС был угроблен, но разведчик лишь невидяще посмотрел на погибших, свинтил глушитель и убрал в кармашек разгрузочного жилета. Потом он сел на «тачанку», догнал БМП, остановил его и пересадил пленного мотострелка к себе. Довез его до капонира, где раньше стояла «тачанка», застрелил и уложил труп в яму. Машину оставлять здесь не стал, отправил сразу в Ивановку. Никто ее в степи, кроме вертолета, не засечет, а для вертолета машина интереса не представляет.

Ломоть инсценировал ситуацию пьяной ссоры между мотострелком и артиллеристами – с последующим взятием бесхозной техники и оружия подоспевшими ополченцами. По большому счету, инсценировка была излишней, просто разведчику хотелось хоть как-то облегчить смерть пленным, хотя бы стаканом водки. А не убивать их было нечестно. Слово есть слово, и ради страшного оружия, каким была РСЗО, нужно было выполнять условия капитана.

Разведчик еще несколько дней был угнетен этими событиями, а всего лишь через месяц, после уничтожения тысяч мирных домов, больниц и школ огнем РСЗО, орудий и минометов хунты – артиллеристов ВСУ повсюду будут расстреливать на месте.

Прикомандированные командованием специалисты остались в БМП и дожидались ночи в капонире неподалеку от трейлера с «Градом». Дважды над степью в том месте пролетал вертолет, но ничего не заметил. Ночью трейлер доковылял по бездорожью и проселкам до Ивановки.

За сутки прибыла необходимая запчасть, «Град» был введен в строй и следующей ночью отправился в сопровождении БМП и «тачанки» в распоряжение командования.

* * *

Ломоть и капитан встретились павильончике-кафе при магазине в одном из нейтральных городков. Здесь была тень, прохлада, работал телевизор. Из него негромко доносилось предвыборное выступление будущего президента Украины Порошенко. Хотя кандидатов в президенты было много, благословение западных хозяев было озвучено четко, и в исходе выборов никто не сомневался.

– Мы честные люди, – офицер, не считая, сунул пять тысяч евро за пазуху – и достал оттуда фотографию.

– Дочка моя, – на карточке была пухлощекая девушка с котенком на руках. – Выпускной у нее скоро, платье надо купить, подарок...

– Хорошая девочка, – сказал Ломоть. – Животных любит. А я по твоей просьбе пять человек положил.

– А пятый кто?

– Твои ребята подвозили земляка.

– Запрещено на установках посторонних возить... Ну, что поделаешь. Война.

Капитан присмотрелся к разведчику.

– Ты что, их своими руками положил?

– Своими руками. Это мой договор и моя обязанность. Я у себя в отряде палачей не держу.

– Что, тебя из-за пятерых вражеских солдат совесть мучает?

– Не твоё дело.

– Ты думаешь, сам такой весь в белом, такой благородный? Ишь, ручки замарал! Совесть замучила!

Капитан плеснул водки в рюмку, залпом выпил.

– Я был честным офицером, верным присяге, служил трудно, но с чистой совестью... всего несколько недель назад! Всего несколько недель назад была другая жизнь, которая уже никогда, ты слышишь меня, никогда не вернется!

Я был нормальным человеком несколько недель назад. Страна была нормальной. Жизнь была нормальной.

И вдруг – страну сдали этим тварям! Одного пакета одной установкой хватило бы, чтобы накрыть эту бандеровскую мразь! И раз и навсегда вбить их в землю по ноздри, чтобы сто лет больше ни у кого и мысли выделяться не было! На Майдане буйных всего пара сотен была! С дубьем и булыжниками! Из рогатки картошкой стреляли, весь мир ухохатывался!

Капитан снова налил и выпил.

– А теперь стреляют не картошкой. Теперь мы садим полными пакетами по собственным городам. Твоей Ивановке это вряд ли доведется испытать, вы цель неприоритетная, сами сдадите, когда Славянск падет...

– Так не стрелял бы. Офицер, тоже мне...

– Молчи, сука! – капитан схватил разведчика за грудки. – Ты знаешь, почему я, командир дивизиона, в таком звании? Командир дивизиона, вообще-то, подполковничья должность. На крайняк – майорская. Прежний командир не стал стрелять. Нет, он не отказался выполнять приказ, он только попросил приказ в письменном виде.

Нацики расстреляли его без суда и следствия. И три дня труп командира лежал на плацу собственного подразделения! Три дня не давали похоронить тело родным, близким и сослуживцам! Так они нас устрашали. А потом вывезли и где-то закопали...

И назначили командиром меня. У меня денег не было, чтобы откупиться и выйти живым в отставку. Я всего лишь капитан.

Артиллерист выпил еще.

– Где вы были, суки, со своим Русским миром, когда эту шваль можно было накрыть одним пакетом? Где вы были, когда можно было взять Киев с Турчиновым и Яценюком одним полком за два часа? Ты понимаешь, что теперь все люди в погонах повязаны кровью с нациками? И с каждой минутой мы падаем все ниже! С каждым пакетом, с каждым одиночным выстрелом – без военного положения мы становимся военными преступниками. И выстрелы эти – по городам и селам. По «мирняку»!

Ты думаешь, зачем нацикам мобилизация? Зачем толпы пушечного мяса? Всем понятно, что это не бойцы. Им нужно, чтобы побольше народу надело погоны и повязало себя кровью с режимом. Чтобы отрезало себе дорогу назад.

И теперь дороги назад нет. Был честный офицер, и не стало. И не будет никогда. Теперь я торгую жизнями своих солдат и своим оружием. Чтобы хотя бы дочка моя вырвалась из этого ада. Это не Украина, это ад, я знаю. Я каждый день творю его сам. А ночью вижу во снах – если не выпью водки или снотворного...

Капитан снова налил, его развезло.

– Я еще много чего продам. После выпускного дочке надо дальше учиться. Хочу, чтобы она училась и жила в нормальной стране. Чтобы не шла на бесчестие и преступление из-за безденежья. Другие установки я тебе еще не скоро буду продавать, а боекомплект скоро смогу. Скоро много боекомплекта можно будет списать. Сам увидишь, почему, – капитан кивнул на телевизор.

– Житы чэсно! – провозглашал с экрана кандидат Порошенко. – В Украини повинни пєрмогты прынципы правовой дєржавы та справєдливости...

– Во, тоже, типа, честный. Кому это он, интересно, честно пообещал грохнуть Украину, как ты мне пообещал грохнуть солдатиков-свидетелей? – усмехнулся капитан.

– Житы в бэзпэци! – продолжал Порошенко. – Я застосую повни дыпломатычни заходы, увэсь свий талан та досвид, щоб забэзпэчиты дээскалацию конфликту, запобигты вийны та збэрэгты мыр...

– Ждите, скоро талант и опыт будут идти полными пакетами, – прокомментировал артиллерист. – Не мучься из-за моих ребят. Пять больше, пять меньше... Видел бы ты, что может сделать полный пакет! А у меня – шестнадцать машин! – капитан еще не свыкся, что у него теперь на одну машину меньше. – Пять пакетов – и Хиросима. Только БК подвози... А потом они приходят ночью. Дети, старики, мужики, бабы. Длинная такая очередь... И проходят сквозь тебя. Один за другим... Почему я вижу лица? Ведь я стреляю по координатам! Ты вот, сука, со спокойной совестью дышишь. Со спокойной совестью жрешь. Со спокойно совестью спишь. А мне каждый вздох – поперек глотки! Каждый кусок – поперек горла! Вот только водка идет хорошо... Но я не сопьюсь. Нельзя. Надо дочку в люди выводить.

– Могу предложить рецепт от больной совести, – разведчик счел момент подходящим, чтобы прервать монолог артиллериста. – Становись сотрудником разведки Новороссии, борись вместе с нами против нациков. Семью поможем эвакуировать, дочку в хороший вуз устроим. Не Оксфорд, но...

– Нет, я хочу Оксфорд! – пьяно потребовал капитан. – И ничего ты никому предложить не можешь! Сдали сорокапятимиллионную Украину в одночасье и без боя, и тебя сдадут, и Славянск, и твою Ивановку, и твою Новороссию! И будете сдавать дальше!

– Это война. Всякое может быть. Но я не обещаю тебе победу, я лишь предлагаю лекарство от нечистой совести.

Капитан осоловело уставился в пространство, мотнул головой.

– Я подумую.

* * *

За успешно проведенную операцию ополчению Ивановки командованием был придан расчет ПЗРК «Игла» образца 1983 г. и зенитная установка ЗУ-23-2 с обученным расчетом и двойным боекомплектом.

Невольничий рынок

Калита вел переговоры по Скайпу с одним из «партнеров» с противоположной стороны.
– ...Кириченко Роман Степанович, 1992 года рождения, здоров, рядовой ВСУ, мобилизованный, из села Полтавской области, в семье кроме него еще двое детей. Имеют огород, откармливают кабанчика...

– Кабанчик – это хорошо. Уже что-то, – удовлетворенно произнес интендант ВСУ. – Даю за этого солдата три штуки маскировочной сетки три на шесть.

– Так она у тебя старая, подгнившая, рваная.

– Ну четыре.

– По рукам. Следующий – Коваленко Дмитрий Тимофеевич, 1991 года рождения, здоров, рядовой ВСУ, мобилизованный, из районного центра Житомирской области. Отец сидит, мать уборщица. Сестра школьница.

– Беру по минималке, – твердо сказал интендант.

«Минималка» означала три ящика ручных кумулятивных гранат «РКГ-3», принятых на вооружение еще в 1950 г. и никому не нужных из-за появления «РПГ», или «РПГ-2» с ящиком гранат (снятые с вооружения в связи с появлением «РПГ-7»), или ручные дымовые гранаты и т. д. Интендант ВСУ придерживался «американского» правила – не поставлять летальные вооружения. Если что теоретически и представляло опасность, то по сроку годности давно уже мало на что годилось. Но за излишек пленных, которых не на кого было менять, и это получить было неплохо.

Пленных допрашивала разведка (состав и дислокация части, вооружение, снабжение, командование, родственники за границей, активные бандеровцы на родине, активные анти-бандеровцы), потом Калита составлял «резюме» о материальном положении захваченных бойцов хунты. Интендант ВСУ имел отлаженный механизм превращения пленных в свободных, а имущества и доходов их семей – в свои доходы.

– Твоя минималка вся нестреляющая!

– Все честно. Даю нестреляющее оружие за невоюющих солдат.

Калита хмыкнул.

– Ладно... Хомченко Богдан Романович, 1993 года рождения, здоров, рядовой ВСУ, мобилизованный, из Кировограда. Отец продавец в магазине, мать – учительница. Сестра – проститутка в Италии...

– Хорошему же мать дочку научила! – хмыкнул интендант. – Даю пятнадцать ящиков РКГ третьих.

– Да твои РКГ – мусор на парашютиках! – возмутился Калита. (Гранаты для попадания в цель нужным концом снабжались маленьким куполом.)

– «РПГ-2» возьми.

– За валютную проститутку – «РПГ-2»? – возмутился Калита. – Это же недостойно европейского выбора!

– А чего ты хочешь?

– Автомобили!

После непростых переговоров интендант выделил за солдата с сестрой-проституткой два «уазика» – один без колес, другой без карбюратора. Судя по тому, что из них не собрали один рабочий, были еще какие-то проблемы, о которых визави Калиты не знал. «Уазики» были ценным приобретением, на них ставили пулеметы и превращали в «тачанки».

– Карманчук Федор Викторович, 1987 года рождения, здоров, сержант МВД, боец батальона «Криворожье»... В плен попал за криворучье, – пошутил Калита.

Милицейский – это было серьезно. Милиция – это власть, фабрикация уголовных дел, вышибание долгов, крышевание и взятки. За милицейского сержанта был положен приличный куш.

– Точно МВД? – переспросил интендант.

– Ты же знаешь, у меня гарантия. Они все ко мне после разведки попадают. Могу назвать поименно весь его довоенный отдел и номер милицейской машины.

За сержанта Калита получил тридцать ящиков 82-мм минометных мин 1947 года выпуска. Мины интендантом были причислены к нелетальному оружию, так как больше половины давали осечки или не взрывались.

Дальнейший торг пополнил запасы отряда армейскими биноклями, трубами разведчика, сошками для винтовок Мосина (роскошные трехножные сошки с шарниром), дымовыми гранатами к «Туче», маскировочными сетями, бухтами МЗП-1М («путанки»), рюкзаками десантника, надувными плащ-палатками «Дождь», полевой кухней ПК-39 с чугунным котлом, старинными станковыми гранатометами «СПГ-82» и множеством старых гранат, мин и «РПГ».

Сошки для винтовок Мосина ставились на самые качественные экземпляры, лично отобранные и отстрелянные Карасем. Они выдавались лучшим стрелкам и обеспечивались вручную отобранными патронами. Так что даже без оптики можно было вести снайперскую стрельбу на близких расстояниях.

СПГ-82 был хорош тем, что использовал боеприпасы, которые больше ни к чему не подходили, давно пережили срок хранения и теперь раздавались бонусом к прочим приобретениям. Несмотря на устарелость, гранатомет уверенно и метко пробивал кумулятивными гранатами железобетонные стенки блокпостов с дистанции до 200 м.

Нестреляющее оружие все равно оставалось оружием, и могло быть использовано с выгодой. «РПГ-2» раздавали на блокпосты, гранатометы выглядели в глазах «мирняка» угрожающе и повышали авторитет бойцов. Также по неизвестным для Калиты причинам старое оружие пользовалось спросом в разведке.

А Ломоть делал в подконтрольных хунте городах закладки – 5 «наганов», 2 винтовки Мосина, 2 «РПГ-2» с двумя гранатами к каждому, а потом «обменивал» эти тайники в СБУ. Ополчение теряло устаревшее оружие, а получало взамен действующую агентуру противника низшего уровня – наблюдателей и корректировщиков. Людишки это были дешевые и поганые, но вред могли нанести серьезный.

– Ты, часом, солдатиков на органы не продаешь? – поинтересовался Калита. – А то про твоих товарищей по бизнесу много нехорошего рассказывают...

– Да ты что! Передаю хлопцев на руки родителям или их представителям. Сами солдатики ведут опознание и переговоры. Иногда, правда, представители выглядят очень подозрительно... Но раз хлопцы с ними уходят, то не мне вступать. Не, я темными делами не занимаюсь. У меня – репутация! Не станет репутации – не будет бизнеса.

– Это верно. Ну, на сегодня у меня все. Остальных придержим для обмена на наших.

– Погоди...

– Да?

– Тут один помощник военного прокурора на меня дело «шьет». Типа, я незаконно торгую оружием...

– Гнусная клевета! – возмутился Калита. – Это переворот киевский незаконный, и власть хунты незаконная, а ты даешь людям возможность получить свободу.

– Вот-вот, – обрадовался поддержке интендант. – Я даю людям свободу, а все остальное – неизбежные издержки... Так вот, надо бы этого помощника прокурора того... списать вчистую.

– Ну... это дело непростое... на блокпосту же он не сидит. Это в тыл надо группу засылать. Фронт прорывать.

– Понимаю, понимаю... Дам наводку, где живет, куда и на чем ездит. А также возмещу расходы и дам приличный гонорар!

– Поподробнее, пожалуйста.

– Живет он в доме напротив...

– Поподробнее насчет возмещения и гонорара, я имел в виду.

– Ну... Дам пятьдесят ящиков универсальных вышибных камер, это пятьсот штук.

Универсальные вышибные камеры используются для минирования при помощи, как правило, забракованных артиллерийских снарядов и мин. Сама камера оружием не является.

– Ну и куда нам они? Нам в них заряжать нечего. Нет, это несерьезно.

– А еще «уазик» только что после капремонта!

Молчание.

– С полным баком, и две канистры по 20 литров, тоже полные!

Молчание.

– Еще тридцать ящиков мин!

– 1947 года?

– Ну... Они паршивые, но зато много.

– Тридцать ящиков – это не много.

– Пятьдесят!

– Восемьдесят, и десять бронежилетов.

– Бронежилеты дам четвертого класса, – смиряясь с ценой, уточнил интендант.

– Хорошо, я рекомендую командиру взять операцию в разработку.

* * *

Пленных передали, товар от интенданта поступил в полном объеме и надлежащего (отвратительного) качества.

Помощника военного прокурора брала группа во главе с самим Ломтем. Дело было сделано ночью, без единого выстрела. Заказчик признал работу выполненной, без претензий.

* * *

И вот – очередные переговоры.

– Палий Владислав Юрьевич, 1979 года рождения, здоров, помощник военного прокурора...

– Как?! Тот самый?

– Да. Захвачен по твоему обращению. В прекрасной форме. В плену уверенно овладел шанцевым инструментом, роет окопы. Будешь брать?

– А я думал, проблема решена... Столько добра всякого отдал...

– Так решена же. Дело против тебя рассыпалось, прокурорский в плену. С нашей стороны все честно.

– Что же у вас такой плен ненадежный! Держали бы уж до конца!

– Плен как плен. Подумаешь, какой-то прокурорский, мы что, из-за него систему переделывать будем? Так что, берешь его? Разведке он уже не нужен, все уже рассказал.

– А можете его поддержать подольше? Я компенсирую...

– Нет, наших пленников мы держим на общих основаниях. Но если хочешь, можешь выменять его и держать у нас. Дорого не возьмем, у нас не гостиница. Режим и срок сам определишь.

– Хорошо, я выменяю его... Мины, машина и броники будут к концу недели.

- Только цена у него теперь выше, – сообщил Калита. – У прокурорского папочка на тебя, а эта папочка должна в цене учитываться.
 - Папочка в руках пленного не стоит ничего.
 - Так он не навсегда пленный. Как и все.
 - Ну... даю сверху еще десять ящиков гранат к «РПГ-2».
 - Это мусор.
 - Еще тридцать ящиков мин 82.
 - Если старые – восемьдесят.
 - Ну, старые... Ладно, восемьдесят.
 - Хорошо, об обмене договорились. Теперь о содержании...
- На той стороне раздался протяжный тягостный вздох.

Герои по сходной цене (рассказ)

Колун хозяйственными делами не занимался принципиально. Конечно, когда какой-то вопрос нельзя было решить без него, он подключался. Но обычно хозяйством занимался заместитель командира отряда по тыловому обеспечению – зампотыл. Позывной у него был соответствующий – «Калита».

Какое-то время бойцы обращались к Колуну по вопросам снабжения, но каждый раз твердо переадресовывались к Калите. Командир отряда должен был заниматься военными вопросами. Иногда – политическими и дипломатическими. Если он погрязал в хозяйстве, отряд как военная единица деградировал.

Калита вел дела удачно. На «наганы» с патронами выменял у хозяина пейнтбольного магазина в соседнем нейтральном городе десятки пар тактических перчаток, наколенников, налокотников, а также подствольные фонарики с выносной кнопкой-включателем. Экипажи бронетехники он обеспечил рюкзаками с емкостями для воды, которую можно было пить через трубку, не отвлекаясь от боя.

В ивановском ателье мод Калита разместил заказ на разгрузочные жилеты. Сделки шли в основном по бартеру – ателье получало в уплату трофейные палатки и камуфляж.

Оружие в отряд поступало из трех основных источников.

Первый – так сказать, базовое снабжение от Министерства обороны республики. Это были карабины «СКС», винтовки Мосина, наганы. Теоретически было возможно получить что-то сверх того, для проведения особых операций или в награду за особые достижения. Но пока таких случаев в Ивановке не было. Второй источник – боевые трофеи и реквизиция в охотничьих и пейнтбольных магазинах. Реквизицией старались не злоупотреблять, тем более что всегда находилась возможность дать что-то взамен. Третий источник – оружейная барахолка в Донецке, где можно было выменять или купить широкий ассортимент стрелкового оружия, а также кое-что из артиллерии и бронетехники.

На этой барахолке, например, Калита выменял пять трофейных «АКС74», которым ополченцы предпочитали оружие калибра 7,62, на три пулемета Дегтярева.

В перспективе намечался четвертый источник – собственная военная промышленность Ивановки в лице оружейника Караса и его помощников, которая пока выпускала сошки для «СКС» и гранаты «ПГШ».

* * *

Однажды Калита пришел к Рыбаку с новостью.

– На изюмском направлении на проселке киевский БМП сторел. Такой же, как у тебя. Ты бы сгонял, посмотрел, что там пригодного есть. Ребята на «тачанке» (джип с пулеметом) подкинут.

«Тачанка» остановилась в саду на окраине близлежащего к горелому БМП-2 села. Населенный пункт был нейтральным. Участковый давно был «перевороужен» и расхаживал с «наганом» и винтовкой Мосина.

Переговорили с наблюдателем, который безотрывно следил за дорогой и который-то и сообщил о горелой бронемашине.

– Похоже, аккумуляторы сдохли у нее. С ними еще БТР был и два грузовика с каким-то имуществом. Солдаты только на броне были. Стали заводить от внешнего источника. Ну и что-то не получилось. Мат, крики, потом дым, потом все разбежались. А потом уже пламя стало видно. Что-то взрывалось внутри.

Уехали часа три назад, с тех пор никого. Гореть перестало, да и дыма тоже нет.

Рыбак пришел к выводу, что вышла из строя система электрооборудования, от искрения зажглись потеки горючего и масла на дне моторно-трансмиссионного отделения, от повышенной температуры стали взрываться боеприпасы.

Осмотр сгоревшей бронемашины подтвердил его предположения. Двигатель просто обгорел снаружи, топливные баки не взорвались, трансмиссия осталась цела. Вышла из строя электросистема, была обожжена оптика прицелов, взорвалось несколько осколочно-фугасных снарядов и пулеметных патронов. Деформировался затвор орудия, детали пулемета. Установки ПТУР, похоже, на машине не было уже давно.

Внутри машины дышать от гари было невозможно, противогазов бойцы не имели.

Рыбак вернулся в Ивановку – скоро как раз была его смена ездить на БМП вместе с Обушком. Он объяснил ситуацию Калите и наводчику. Нужно было грузить горелую машину на трейлер и вывозить. Калита договорился с Колуном, в БМП посадили еще пятерых бойцов, всему экипажу дали противогазы и налобные шахтерские фонари – чтобы работать внутри брошенной машины. Для трофейных боеприпасов взяли с собой плетеные из проволоки короба, заполненные керамзитными шариками. Возгорание было исключено.

Еще одного бойца посадили в кабину трейлера. Старшим всей группы назначили Обушка, что было для наводчика первым большим назначением. Правда, лишь на несколько часов.

Когда ополченцы приближались к месту назначения и запросили обстановку у наблюдателя, тот сообщил, что у БМП уже находятся солдаты киевского режима. Четверо на грузовичке «УАЗ».

Обушку пришлось импровизировать.

– Здорово, хлопцы! – крикнул он солдатам, подъехав поближе и высовываясь из люка. – Как дела? А то начальство беспокоится.

– Да нормально дела, – пожал плечами старший из солдат, с погонами ефрейтора. – Сейчас пулемет достанем, и все.

Согласно унаследованной с советских времен традиции, особую ответственность военнослужащие несли за утрату индивидуального оружия. Поэтому солдаты были готовы бросить на дороге бронемашину с пушкой, главное – забрать закрепленный за кем-то индивидуально пулемет.

Из люка горелой башни высунулась голова в противогазе.

– Работай, все в порядке, – кивнул ей ефрейтор, и голова опустилась обратно.

– Ваш старлей просил передать, что нужно еще и снаряды с патронами достать, – начал сочинять Обушок.

– Не знаю, о ком ты... – буркнул ефрейтор. – То, может, не старлей, а кэп наш?

– Наверное, – пожал плечами Обушок.

– Да пошел он вон! – возмутился ефрейтор. – Пусть на такой жарнице и в такой вонище сам возится!

– А он вам просил водички передать... – вкрадчиво произнес Обушок. – И перекусить...

Он дал команду в ТПУ, десант вышел наружу, доставая бутыл с водой и свертки с едой.

– А когда сделаете все, выпьем по маленькой, – заманчиво пообещал Обушок.

Ефрейтор дулся, дулся, но смирился. Солдаты перекусили, перекурили, вздремнули 600 секунд в теничке. Потом принялись за дело.

Вытащив пулемет, они продолжили работу. Извлеченные снаряды они укладывали на траву. Обушок осматривал каждый и укладывал в короб.

– А что это у тебя? – поинтересовался ефрейтор, указывая на короб. – Уж не тебе ли поручили снаряды доставать и ящик дали?

– Не, не мне, – безмятежно отвечал Обушок. – А ящик я вожу всегда с собой, на складе то и дело снаряды россыпью выдают. Тара, типа, ломается.

– Ага, ломается. Воруют, списывают и сепарам продают, – зло сказал ефрейтор и сплюнул.

Когда все взрывоопасное было нейтрализовано, Обушок по радиации вызвал трейлер.

– Машину тоже приказано забрать, – пояснил он ефрейтору.

– Не, тогда это не наш кэп, – уверенно сказал солдат. – Уж не знаю, какой такой старлей нашелся – всякий хлам по дороге собирать. Может, из штаба какой приехал...

БМП зацепили лебедкой, втянули на трейлер, закрепили. Обушок сел в кабину «уазика», два бойца разместились в кузове. Трейлер поехал первым, потом грузовичок, БМП замыкала колонну.

– Прикольная штука, – указал ефрейтор на «наган» Обушка. – Первый раз вижу такой. Где взял?

– Наградной, типа, – похвастался наводчик.

Ефрейтор осмотрелся по сторонам.

– А куда мы едем?

– К нам в расположение.

– К нам ехать по другой дороге.

– Так поедem сначала в наше расположение... – предложил Обушок. – Я же обещал «по маленькой».

– А ты не врешь? – подозрительно заинтересовался ефрейтор. – Мы за тебя всю работу сделали, а ты все в свои ящики сложил и себе везешь? Так нечестно! – он схватил Обушка за грудки. – Поехали сначала к нам, сдадим пулемет и все остальное. А тогда и «по маленькой» можно!

– Ладно, – вздохнул Обушок. – Открою тебе тайну. Мы – бойцы Новороссии. Сдавайся в плен, – ополченец достал «наган» и наставил его на солдата.

– Вот падла, а?! – возмутился ефрейтор. – Что только не удумает, лишь бы не работать! Да отсюда до позиций русских – два блокпоста. Что ты выдумываешь?

Обушок удивился такой недоверчивости, но все же отвернул лацкан гимнастерки и показал георгиевскую ленточку.

– Теперь-то ты сдашься?

Ефрейтор что-то мрачно буркнул, отвернулся и замолк. Его солдаты безмятежно доехали до самой Ивановки, где и были зачислены в дружные ряды военнопленных.

* * *

С горелой БМП сняли двигатель, коробку передач, наружное электрооборудование и оптику. Аккумуляторы были забракованы. Двигатель и коробку передач предстояло перебрать, кое-что заменить. Пулемет тоже требовал ремонта, а вот пушка могла быть восстановлена только в заводских условиях.

Калита решил извлечь пользу даже из обгорелой бронированной коробки. По скайпу он связался с одним из офицеров киевского режима.

– Хочешь благодарность в приказе и внеочередной отпуск? – спросил зампотыл.

– А что для этого надо?

– Для этого тебе надо уничтожить БМП и десяток-полтора живой силы. Если договоримся, завтра с утра в условленном месте будет стоять БМП, уже уничтоженная. Все труды беру на себя. Сфотографируешься с ней, напишешь донесение. Поощрение гарантировано.

– Что хочешь от меня?

– Два ящика гранат и бочку солянки на расходы.

– Гранат не дам, ваши же против моих их и применят.

Дам 120-мм мины – 2 ящика, 4 штуки. Ведь артиллерии у тебя нет.

– По рукам!

На рассвете горелая БМП стояла уже в условленном месте. К ней подъехала целая колонна машин и бронетехники, офицеры по очереди сфотографировались у «коробки». Сочинили донесение – потери ополчения в живой силе составили полный экипаж (3 постоянных члена экипажа и 7 десантников), а также 2 человека сверх того (ведь, типа, были еще бойцы – те, которые вывезли трупы экипажа). Получилось 12 убитых. По пропорции 1:3 посчитали раненых. Еще 36 человек. Итого потерь ополчению нанесено 48 человек. Одного скинули на всякий случай. Отрапортовали о 47. Всем понравилось.

Но на следующее утро горелой БМП уже не было на месте.

– Ты куда ее дел? – спрашивал армейский.

– Вернул обратно. В других частях тоже в отпуск хотят.

– А как мне объяснить, куда делась «коробка»?

– Напиши в донесении, что была тобой заминирована и взорвалась при попытке сепаратистов вывезти неисправную машину.

– Это идея!

Сочинили донесение – записали убитыми 4 человека, по коэффициенту – еще 12 раненых. Получилось 16, показалось мало – приписали еще одного. Теперь в самый раз! Доказательство потерь противника – отсутствие уничтоженной бронемашины. Доказательство твердое.

* * *

Потом Калита выменял фотосессии с БМП-2 на 2 снаряда для гаубицы «Д-30», четыре ящика ручных гранат, 8 литров машинного масла, 12 блоков сигарет, 30 пар берцев, комплект запчастей для двигателя и трансмиссии горелой БМП. Артиллерийские боеприпасы зампотыл отвез в Донецк и отдал в обмен на более нужные для пехоты вещи – тактические очки, военные ботинки и выстрелы к «РПГ-7».

Вершиной фотобизнеса стала заявка одного из хунтят на подбитый танк ополчения.

– Я хочу баллотироваться на выборах в Раду, – заявил один майор. – Понимаю, заявка сложная. Но вознагражу соответственно. Отдам тебе исправную «Рапиру».

100-мм пушка МТ-12 была бы роскошным приобретением. Основной ее профиль – борьба с танками, но могла стрелять и осколочно-фугасными по пехоте. Большим достоинством пушки была ее повышенная точность, дистанция прямого выстрела составляла 800 м.

– Будем искать танк, – пообещал Калита. – У тебя, случайно, нет на примете подходящих?

К сожалению, самопроизвольно сгоревших и брошенных на дороге танков не было. Танков вообще еще было мало на фронте.

Начальник разведки отряда осторожно навел справки и выяснил, откуда у майора «Рапира». Оказывается, пушку в подконтрольной майору мастерской оставила на ремонт шасси одна артиллерийская часть. При этом с пушки был снят прицел с панорамой, так что «Рапира» могла теперь работать только прямой наводкой. Снарядов артиллеристы не оставили.

* * *

Танк нашли. Он несколько десятилетий стоял на постаменте у соседнего нейтрального райцентра. Старый добрый «Т-34».

Его аккуратно сняли краном, сошлифовали краску и обработали металл кислотой. Броня покрылась коричневыми пятнами – типа, от ожога. Танк привезли в условленное место. Башню повернули набок, ствол орудия опустили, выбили из трака палец и сняли гусеницу, бросив ее «в художественном беспорядке».

Майор осмотрел приобретение скептически.

– Что-то уж совсем несолидный танк.

– А у тебя пушка без панорамы и боеприпасов. Не торгуйся, бери, что дают.

– Ну ладно... Только пропишите в газетах, что сняли с постамента и применяете «Т-34».

А то не поверят, что я его в бою подбил.

– Пропишем.

– И пушку сами заберете. Там у нее охрана, солдатик артиллерийский...

– Заберем.

* * *

После фотосессии майор сообщил местонахождение пушки и уехал. Ополченцы увезли танк обратно, покрасили его и поставили на постамент.

«Рапира» стояла в автомастерской, удаленной от расположения войск, и лишь неотлучно находившийся при ней солдат-артиллерист охранял военное имущество. За пушкой поехал сам Колун на своем «командирском» БТР (этот БТР был самый неповрежденный из имевшихся в отряде, в свое время дважды простреленный Обушком из орудия).

Командир рывком распахнул дверь в мастерскую, прошагал к пушке, надвинулся на часового.

– Доложить обстановку!

– В мое дежурство никаких происшествий нет! Вверенное мне имущество в сохранности!

– А где панорама?

Солдат сник.

– Так ее сняли, когда пушку сюда на ремонт отдавали. Оптика – штука нежная.

– А может, и не было этой панорамы?

Солдат опустил голову.

– Ладно, я забираю пушку! – заявил Колун.

– Разрешите обратиться! – выкрикнул солдат. – Представьтесь, пожалуйста! В каком вы звании и должности?

Колун немного помешкал.

– Десятник самообороны Майдана. Позывной «Волк».

– А в какой сотне вы десятник?

Колун замешкался еще больше. Импровизация становилась все более трудной.

– В Небесной сотне, – сказал он твердо и пристально посмотрел солдату в глаза. Ополченец не очень хорошо разбирался в формированиях Майдана, но о существовании Небесной сотни знал наверняка.

– Так вас же всех убили... – непослушными губами пролепетал солдат.

Колун прикрыл глаза. Придуманная на ходу легенда рассыпалась.

– Всех... – произнес он и заторопился к выходу.

Артиллерист попятился.

Ополченцам, забравшим пушку, он не противился, так и остался сидеть в углу мастерской с недоуменным видом.

* * *

Майор, «подбивший» танк ополчения, действительно пошел в гору. Ломоть доложил Колуну, что в расположение части «героя» прибыла машина с журналистами.

Журналистов потом встретили на обратном пути – типа, на «мобильном посту» ВСУ. Остановили их автомобиль, забрали всю аппаратуру, заканчивая телефонами – якобы на

проверку военной цензуры. Скопировали на ноутбук Ломтя все содержимое, вернули, извинившись – «недопущенной к публикации информации не обнаружено». Полученные данные отправили командованию, за что удостоились устной благодарности в приказе и полусотни пар берцев.

Впоследствии «героический» майор ездил в США, где встречался с сенаторами. Его фотографии у «подбитого» танка, с автографом, пользовались популярностью.

Темнота – друг шахтера

Обзаведясь бронетехникой, артиллерией и ПВО, Колун решил превратить отряд в полноценную единицу, создав штурмовые подразделения. Предполагалось, что штурмовые операции будут обычно вестись ночью, когда человеческая психика особенно восприимчива и уязвима. В темное время моральное преимущество защитников Донбасса над мародерами террбатов и ПС или насильно мобилизованными солдатами ВСУ возрастало в несколько раз. Преумножался эффект внезапности. Также ополчение, в рядах которого было много шахтеров, имело колоссальное преимущество – его бойцы не боялись темноты, умели в темноте жить и работать.

Обучение было коротким – времени было мало, а легких целей, подходящих для боевой учебы – много. Такой целью Колун выбрал гарнизон батальона территориальной обороны «Криворожье», численностью до взвода, расположенный в деревне Степное за двумя линиями блокпостов от Ивановки. Место было спокойное, тыловое, террбатовцы бронетехники и артиллерии не имели, занимались постовой службой, надзором за солдатами ВСУ в соседних населенных пунктах и, естественно, мародерством. «Криворожье» было сформировано из добровольцев – часть из них когда-то пыталась избежать службы в армии и пошла в территориальную оборону, «чтобы пересидеть». Эти деятели ошиблись в ожиданиях, батальон был отправлен на фронт. Часть бойцов были искателями военной добычи. Таких было больше всего. Они разграбляли магазины, дома, проезжающие машины, убивали людей ради денег в кошельках и одежды, и отправляли на барахолки Днепропетровска и Кривого Рога посылки с добычей. Еще в батальоне были идейные бандеровцы, которые грабили не меньше, но при этом еще и глумились над мирным населением и «несвидомыми» солдатами ВСУ с соседних постов. Террбат был очень удобной учебной целью, потому что не нужно было возиться с пленными. Их брать не планировалось.

Степное за двое суток до планируемой операции взяли под плотное наблюдение разведчики Ломтя.

С наступлением ночи БМП Обушка проселками, степью и оврагами поехала к Степному. На борту машины было 8 человек десанта, командир штурмового отделения занял место командира машины. Рядом с мехводом расположился боец с ДП. Еще два пулеметчика с ДП расположились с правого борта и на корме, выставив оружие в амбразуры. Штурмовое отделение делилось на несколько групп.

Саперная группа – два бойца с «калашниковыми», снаряженными патронами уменьшенной скорости и оборудованными ПБС. Вышибные заряды и вставляемые в них боеприпасы (отбракованные Карасем минометные 82-мм мины) находились в ящиках на броне.

Штурмовая группа – два бойца с «ППШ» образца 1942 г. и множеством секторных магазинов к нему в разгрузках. «ППШ» имел большую скорострельность и создавал высокую плотность огня в ближнем бою. Секторный магазин был заметно надежнее дискового. На стволе «ППШ» крепился тактический фонарь с выносной кнопкой. Также бойцы имели при себе карабины специальные 23-мм с магазинами на 7 патронов. В одном магазине были патроны с газом «черемуха», другие снаряжались светошумовыми и картечными патронами вперемежку. Такие карабины (нелетальное полицейское оружие) еще в последние месяцы правления Януковича щедро были поставлены в подразделения внутренних войск, и при их захвате попадали к ополченцам. Помимо стрелкового оружия, штурмовики имели по 3 гранаты «РКГ-3» и «ПГШ».

Снайперская группа – командир отделения с СВД, снабженной советским ночным прицелом и ПБС. Его помощник – боец с комплексом «Тишина» («калашников» с ПБС и бесшумным подствольным гранатометом «БС-1»). За «Тишину» Калита отдал на донецком оружейном рынке «АГС-17».

Позиционная группа – два пулеметчика с ДП.

Все десантники имели монокуляры ночного видения с масками. Таким образом, во время боя один глаз оставался адаптированным к темноте. На оружие были нанесены метки светящейся краской, позволяющие наводить и целиться ночью.

Доехав до Степного, БМП обогнула его по бездорожью и остановилась в небольшом овраге. Распахнулись створки десантного отделения, наружу вышел боец с ДП, занял позицию, осмотрелся. Через минуту из машины вышли саперы, сняли вышибные заряды и мины с брони и двинулись к соединявшей Степное с тылом дороге. Там они должны были установить небольшое минное поле и устроить засаду.

Остальные бойцы вышли из БМП, заняли позиции по кромке оврага, попили воды, проверили снаряжение.

Командир отделения связался с наблюдателями, уточнил обстановку. Гарнизон безмятежно спал.

Через час шесть минут после высадки саперы доложили о готовности. Десант погрузился в машину, БМП по косоугру, в обход постов и пулеметных позиций бандеровцев, двинулась в село. Пройдя Степное до центра, и ведя огонь светозумовыми зарядами с бортов и кормы, машина под прикрытием пулеметчиков высадила снайперскую группу. Командир и его помощник поднялись на самое высокое строение в селе – элеватор – и затаились там.

Затем Обушок развез по позициям – перекресткам сельских улиц – пулеметчиков. Наконец, со стороны ветра (чтобы штурмовики могли применять «черемуху») высадил штурмовую группу, прикрывая ее броней, пока бойцы надевали тяжелые бронежилеты 6-го класса, потом отъехал назад и стал поддерживать штурмовиков огнем БМП. По инструкции, ночная ветвь прицела давала видимость ночью на дистанции до 700 м. Если подсветить инфракрасным прожектором, то должны были быть все 800, но, во-первых, инструкция преувеличивала, во-вторых, прожектор не работал. Но все равно метров на 300 было видно неплохо, а это уже большое преимущество.

После минутного замешательства командиры бандеровцев принялись организовывать оборону, но были отстреляны снайпером. Там, где не было линии огня для СВД! применялся гранатомет «БС-1». Двое бандеровцев сообразили, откуда их обстреливают, и подступили к элеватору, но были подавлены из автомата с ПБС.

Потеряв управление, террбатовцы рассыпались по селу, прячась в садах, некоторые двинулись к уходящей в тыл дороге. Пулеметчики с ДП расстреливали бандеровцев, выбегавших на улицы. Штурмовая группа, создавая огневой вал из ППШ и КС, гнала террбатовцев из Степного. Там каратели попадали под выстрелы саперов, а когда автоматного огня стало недостаточно, саперы задействовали минную постановку.

Обушок минут десять погонял по степи, подавляя из пулемета разбежавшихся бандеровцев, потом вернулся в село.

Собрав наскоро трофеи, все-таки взяв двух пленных поважнее, ополченцы погрузились на БМП и двинулись к Ивановке. Добыча была скудная, но сегодня было главным научиться атаковать, и эта задача была успешно решена.

Наутро Колун связался с местным участковым и передал ему информацию о минной постановке – гражданские пострадать были не должны.

Николай Иванов

Засечная черта

1

В Россию текла боль.

Она с усилием переваливала свое рваное, длинное тело через косогоры, глотала пыль с терриконов и собирала для пропитания колоски среди сгоревшей на полях бронетехники. Она из последних сил тащила себя на костылях, ее толкали в детских колясках и несли спеленатой на руках. Везли в набитых нехитрым скарбом машинах. Именно по ним, по машинам, и узналось: а боль-то сама по себе бедна, богатые на таких стареньких «Жигулях» не ездят.

Ее останавливала, пытала и исподтишка пинала на блокпостах родная украинская армия, обвиняя в предательстве и грозя то ли отлучить от родины, то ли, наоборот, – никуда не выпускать. При этом боль сама могла тысячу раз, ломая шею, сорваться с крутых склонов, свалиться с искореженных пролетов на разрушенных мостах и навеки остаться на родной земле под наспех сколоченным крестом. Но всякий раз она находила и находила силы двигаться дальше. Ее двухжилность удивляла, это нельзя было ни понять, ни объяснить. Особенно тем, кто не видел, с какими муками она рождалась под минами в поселке Мирном. Как вдоволь, словно про запас насыщалась слезами в городе Счастье. Как горела днем и ночью в Металлисте. Уродовалась в Роскошном, превращалась в черные кровавые сгустки в Радужном, плавилась в Снежном. Пряталась в тесных подвалах Просторного ради того, чтобы не померк свет, как в Светличном...

Брела, текла по юго-востоку украинская боль – немая, но оттого легко переводимая на любые языки мира. Порой казалось, что это просто мираж Первой мировой, начавшейся таким же жарким летом 14-го года. Но – ровно сто лет назад. Та война смела с планеты правых и виноватых, разорвала в клочки империи и загнала в небытие целые династии: ей после первого же выстрела становится все равно, что засыпать в могилы – любовь или ненависть, добро или зло, счастье или боль.

Боли нынешней тоже не гарантировалась безопасность и потому она вместе со всеми мечтала лишь об одном – побыстрее увидеть засечную черту. С пограничными вышками. С русскими солдатами на них. Там, за их спинами, за их оружием и могли прекратиться все мучения.

Но не торопилась, не спешила открываться граница. Словно оберегая собственный дом от близкой войны, оттягивала и оттягивала засечную черту в глубь России. А может, просто давая людской боли возможность испить свою чашу до дна.

Вот только где оно, дно? Кто его вымерял-выкапывал? Под чей рост и какую силу?

Но ни идти, ни ползти, ни ехать нельзя было, потому что за спиной «градины» от «Града» срезали бритвой деревья. Вспарывали крыши школ и детских садов. Перемалывали в труху бетонные укрытия бомбоубежищ. А смешнее всего войне вдруг оказалось наблюдать за стеклянными ежиками. Разбиваешь взрывом на мелкие осколки стекла, и они веером сначала впииваются, а потом шевелятся на людях, когда те начинают ползти. Дети ползут – маленький ежик, старики – ежик большой. Летом одежды на людях мало, видно все очень хорошо...

Однако и на эти остатки живого после артиллерии серебристыми коршунами сваливались с неба «МиГи» и «Сушки». Из-под их крыльев, как из сот, с шипением вырывались гладко отточенные «нурсы» с единственным желанием – доказать свою военную необходимость, свое

умение рвать на куски, сжигать, крушить все без разбору. Роддом и морг – одновременно. Водозабор и подстанцию – можно по очереди. Церковь, пляж, тюрьма – как получится. На то они и неуправляемые реактивные снаряды.

Вольготно на войне металлу.

Территория Новороссии, при любом исходе битвы уже обозначенная историей как Донецкая и Луганская Народные Республики, могла показаться адом, выжженной, потерявшей рассудок земель. Могла, если бы не ополченец «Моторолла», ломавший плоскогубцами гипс на своей правой руке, – ради фронтовой свадьбы, ради того, чтобы могла невеста по всем правилам мирной жизни надеть ему обручальное кольцо. Если бы не черепашка, которую нашли ополченцы в разрушенном детском садике и не поставили на довольствие в одном из своих отрядов самообороны. В конце концов, если бы не врачи, во время обстрелов прикрывавшие в реанимации своими телами малышей, которых нельзя было отключать от медицинских аппаратов и переносить в подвал при бомбежке. А их, врачей, закрывали собой и расставленными руками, чтобы захватить как можно большее пространство, обезумевшие матери этих недвижимых деток...

С усилием, с кровью, но жили, выживали Луганск и Донецк, хотя и сражались в одиночку. Соседние территории, исторически тоже считавшиеся Малороссией или тяготевшие к ней, не подтянулись, не отвлекли врага хотя бы ложным замахом. Укрылись в глухое молчание Харьков и Николаев. Да, обезглавили сопротивление, заполонили тюрьмы людьми с георгиевскими ленточками, но ведь не на пустом месте родился закон: вчера рано, но завтра – уже поздно!

Отворачивался Днепропетровск. Потеряло удалую казачью шашку под женскими юбками Запорожье.

Одесса? В городе-герое оказались героями всего лишь 50 сожженных в Доме профсоюзов горожан. В других странах ради одного невинно убиенного вспыхивают народные восстания, мужество же одесситов иссякло вместе с тайными похоронами этих мучеников. Смолчала Одесса. Не произнесли ни звука и ее великие дерibasовские сатирики, еще вчера поучавшие с экранов телевизоров всех нас достойно жить. Может, еще потому не встала Одесса, потому распылила великое звание «Города-героя», что в нем с помпой открывали памятники портфелю Жванецкого и нарисованной, брошенной на тротуар под ноги прохожих тени Пушкина, но не ветеранам Великой Отечественной?

А может, еще встанут? Еще соберут силы и злость?

Но первый, второй, третий, четвертый месяц Донбасс и Луганск, которые собранная на майдане в Киеве национальная гвардия вкупе с армией и частными батальонами олигархов обещали раздавить, как колорадских жуков, за десять дней, бились вопреки всем прогнозам. В соотношении 1 к 50. И тем значимее выглядело мужество одиночек, если даже в семимиллионном шахтерском крае слишком многие посчитали, что война их не касается. Почувствовав эту слабость, власть в Киеве и взвела курок. Полетели «градины», засветились в ночи начиненные фосфором бомбы, взмыли в небо стальные коршуны. Воевать глаза в глаза с ополченцами украинская армия не смогла, били по площадям, а значит, по невинным, непричастным и отстраненным тоже.

Потому из Счастья, Мирного, Радужного, Славянска, легендарного «молодогвардейского» Краснодона, Шахтерска, Ясиноватой, Дебальцево вытянулись колонны уходящих от войны людей. В Россию. К «агрессорам», как объявили русских в Украине.

Вместе с беженцами потекла и боль. Никого не спросясь, ни с кем не посоветовавшись, она просто проникла в одежды, в глаза, в кожу, в сознание, в слова, в мысли, даже в сны людей, идущих к засечной черте.

2

Я ехал навстречу этой боли на БМП – универсальной, сотворенной для верткого, скоротечного боя боевой машине пехоты.

Ее тонкие, изящные, словно только что вышедшие из-под педикюра траки легко сдирали мишистый слой дерна вдоль просеки, ведущей к границе. Но я стучу ногой по левому плечу торчавшего из люка механика-водителя – сворачивай в эту сторону. У меня нет погон, камуфляж без опознавательных знаков, но бойцы слушаются, как безоговорочно подчиняются в незнакомой местности проводникам. Собственно, я и вывожу войска на самую удобную с военной точки зрения позицию. Сейчас еще левее, потом рывок через выросший самосевом лесок...

Вообще-то я ехал в родные края в отпуск, а не водить колонны. Но в очередной раз грустно подтвердилось, что в нашей огромной стране, при ее огромной армии воюют, выходят на острие событий одни и те же люди: что в Афгане, что в Чечне, что в Цхинвале я встречал в окопах одних и тех же офицеров. И даже здесь, в медвежьем углу брянского леса (древнее название города Дебрянск произошло как раз из-за непроходимых дебрей) нос к носу столкнулся на проселочной дороге со знакомым полковником с Урала. Знать, не только Одессу и Донецк победило телевидение, если даже у нашей армии нет длинной скамейки запасных...

– Извини, нам пора, – дернул щекой через пару минут после встречи уралец.

Приказ для стоявшей за его спиной войсковой группировки уже знаю – вылезти из капо-ниров, в которые пришедшие из глубины страны бойцы зарывали себя и технику последние три дня. И не просто снять маскировку, а обозначить себя как можно ярче в непосредственной близости от границы. Порадовался: неужели руководству страны наконец-то надоело прятаться на собственной территории и делать перед границей вид, что не ведаем о перемещениях своих войск?

– Свои тапки в своей хате ставлю хоть под лавкой, хоть на печку, – перевел дипломатию и военный приказ на житейский язык уралец.

А я успеваю увидеть на его карте отметку около своего родного села. И хотя держал в уме и дальнюю, а потому, скорее всего, более верную причину проснувшейся активности – оттянуть от Новороссии на этот участок границы войска украинской армии, помочь мужикам из ополчения хотя бы таким, косвенным образом – встаю перед другом-полковником по стойке «смирно». Отдаю честь: готов быть рядом. Слов в данном случае не требуется, и командир кивает на головной «тапок» – залезай и рули.

Лишнего шлема со связью нет, рулю колонной по-афгански – ногами. Впереди до размеров солдат вырастают из-под земли боровички в зеленых касках и с оружием, перевязанным пропитанными зеленой бинтами – чтобы не блестели стволы среди зелени. Снимают с рогатин перегородившую нам дорогу длинную осину со срезанной через равные промежутки корой – чем не шлагбаум! При скорости начинают хлестать нависшие над дорогой ветки и приходит осознание полной зависимости нашего мира от случайностей: когда-то кого-то не отхлестали розгами по заднице, мальчики выросли, стали никудышными политиками, и вот теперь ветки бьют нас. Уже по лицу.

Благо наша «гусанка» быстроходна, и грудью вперед, урча от скрытой мощи, вырывается из самосевки на простор. Под бинокли замерших на сопредельной стороне украинских пограничников.

Цыганочка с выходом.

Мазурка.

Барыня.

Гопак, в конце концов!

А лучше всего вальс. Но – севастопольский! Он только что, этой весной прозвучал для России, и весь мир в оцепенении осознал ее величие и силу: когда возродилась «Рашка», когда вышла из-под послушания немытая Расея? Ведь к слабым целыми полуостровами не уходят!

И вот эта сила здесь. И я первым, помня о Новороссии, готов показать припавшим к окулярам украинским пограничникам, что сила эта сумасшедшая и могу ударить механика-водителя и правой ногой, направляя колонну на границу. Через засечную черту. Г орючки – почти до Киева! На стволах пушек – чехлы, но они скорее от пыли: 100-мм снаряды со скорострельностью 15 выстрелов в минуту прошивают ткань, не заметив этого. А рядышком – автоматическая пушка на 330 выстрелов в минуту. Под локтем гранатомет «Балкан» со скорострельностью уже 400-500 выстрелов в те же 60 секунд. Если в бинокль вдруг не видно, добавляйте на веру еще два комплекса – для уничтожения вертолетов и выноса мозгов танкам. Вместе с экипажами. Ну, и куда без родных крупнокалиберных танковых пулеметов. Они – классика жанра. И все это подо мной, под башней, на которой я восседаю царем на троне. В чреве только одной «гусянки». А их пылит сзади с десантом на броне... Брррр. Бойтесь, ребята. Или хотя бы просто доложите наверх про наш демарш. Войной, конечно, не пойдем, но вдруг наш откровенный танец хоть немного заставит Киев задуматься о безнаказанности. Поможет притушить вашу же, украинскую боль, текущую в Россию за сотни километров отсюда. А может, как в былые времена, станцует вместе? Ради будущего. Оно ведь все равно настанет, на Луну друг от друга не улетим. А вот Америка останется за океаном, его не выпьешь. Так что приглашаем! Пройдем по острию каната, как шутят в армии. Училища-то заканчивали одни и те же, еще пока есть за что зацепиться в общем прошлом. В нем не называли презрительно фронтовиков колорадами, портрет фашиста Бандеры не висел в государственных кабинетах, от русской речи скулы не сводило...

Проносимся мимо заброшенного колхозного сада, больше похожего на недоенное стадо коров, стоящее по колено в бурьяне. Десанту хочется яблок, лето с зеленью, ягодами и фруктами проходит мимо них, но скользят, елозят по броне малые саперные лопатки, притороченные к солдатским ремням. Для бойца неизменно правило – окоп раньше еды. Обустроимся, а потом можно и яблочек, даже молодильных, поискать.

Рывок на скорости не долгий – пошли рытвины от плугов. Они перед нашим сельским кладбищем и словно тормозят ретивых – к нам торопиться не надо. Не будем. Там уже лежат моя бабушка, первая учительница, облучившийся в Чернобыле друг. Стволы синхронно, как на плац-параде, кланяются их могилам, и вслед за оружием, вроде бы просто потому что качка, кланяюсь и я. Вот, привел защиту. Теперь можете лежать спокойно. Может, и хорошо, что не дожили до таких времен...

Кладбище – самое высокое место в округе, в кустарнике рядом с ним можно укрыться, а вот обзор на все 360 градусов. Прекрасна и связь, из села народ сюда ходит звонить и в Москву, и в Киев: оказавшись практически на равных расстояниях от столиц, мы и разъезжались в них за лучшей долей тоже почти поровну...

Командиру неведомы мои переживания, привычно отдает распоряжения. Солдаты то ли дурачась, то ли потому что по-иному не получалось, повернули бээмпешки к границе задом, в охотку погазовали и юркнули нашкодившими котятками в тень от деревьев.

Но не котята, конечно. Украина зазывает к себе всех, кто мог бы наказать, проучить, просто укусить Россию. Она готова стать плацдармом, подносить спички, снаряды, чтобы заполыхало и у нас. В конце концов, выколоть самой себе глаз только ради того, чтобы у России был кривой сосед.

Потому и замерли на сельском кладбище БМП, по-китайски прищуривая от пыли глаза-триплексы. Целые и невредимые.

Командирам прищуриваться некогда.

– Это, случаем, не ваши? – полковник кивает на дубки, редкой стежкой отделявшей наши деревенские поля от украинских наделов.

К ним на всех порах неслась запряженная в телегу лошадка. То, что в селе занимались контрабандой, не видела только полиция, но с приходом армейцев ситуация, конечно, изменится. Надо предупредить земляков, чтобы зачехляли свой «контрабас» от греха подальше.

Командир понимает, что даже спрятанных под броней 660 «лошадей» не хватит догнать телегу из контрабанды, дергает щекой: хорошо, но это последняя. Потому как он теперь главный на этом клочке России и отвечает за все происходящее здесь. А точнее, за то, чтобы на нем ничего не происходило.

3

– Вроде пронесло.

Степка Палаш притормозил Орлика, вывернул шею. Танки не гнались, и он подмигнул лежавшему в телеге Кольке Трояку: вот так мы их по-партизански.

Но тут же затушеввал мысли, вновь вскинув вожжи. Трояк в войну пусть и по малолетству, но числился в полициях, и хотя отсидел за свою белую повязку сполна, при нем прошлое в селе старались не ворошить, щадили самолюбие.

Да только не объехать сегодня прошлое ни на Орлике, ни на кривой козе – вспомнится. Потому что ехали за сватом Трояка – Федькой, умершим вчера на Украине. Последним сельским партизаном. Кто теперь будет красить в селе памятник серебрянкой перед 9 Мая? Когда по приходу немцев Кольку записали в полицию, Федор подался в лес. Жалел-завидовал потом Степан, что в это время совсем пацаном был, а то бы тоже, конечно, взял в руки оружие как Федор. И тоже имел бы потом все льготы ветерана и почести.

А вот Победа одного и тюремный срок другого так и не примирили бывших друзей-одноклассников. Даже свадьба старшего сына Федора Максимыча за девкой Трояка не посадила их за один стол.

– Ты что творишь? Хочешь, чтобы внуки были полицейскими? – метал громы и молнии Федор перед свадьбой.

– Люблю я ее. А внуки будут партизанские! – не отступился сын.

Характером вылился весь в батю. Недаром первым поехал закрывать Чернобыль...

– Хороший человек был Федька. Замысловатый, но не вредный, – опять нарушил молчание Степан.

Трояк согласно кивнул головой, хотя отношения сватьев секретом ни для кого не являлись. А может, поддакнул всего лишь одному слову – «замысловатый»: кто узнает мысли соседа, даже если ехать с ним в одной телеге?

– А от чего они, тромбы, отрываются? – не отпускали Степана мысли о покойном.

– Все в организме от нервов, – пожал свободным плечом Трояк из своего лежбища в сене.

– Еще хорошо, что позвонили оттуда. А то по нынешним временам могли просто в яму скинуть.

– Главное, вывезти.

– Вывезем. Давай, Орлик, давай, милый, – подхлестнул Степан коня, вставшего перед крутой насыпью украинской трассы.

Четырехметровый ров, как в других местах, здесь хватило ума не рыть, колючую проволоку не натянули, а пограничников к каждому кусту не приставишь. Так что если не шуметь, то проскочить можно, контрабанду так и перекидывают, не спрашивая национальности.

Но Орлик скосил сливовый глаз, перебрал перед препятствием в неуверенности ногами, и мужикам пришлось спрыгнуть с телеги. Палаш взял коня за уздцы, потащил за собой наверх, Трояк уперся в телегу сзади. Внатяг, все трое припадая на колени, но взяли пограничный

рубеж. Повторить такой же подвиг с телом Федора вряд ли получится, сами свалят его в яму. А это грех несусветный, чтобы живые роняли мертвых. Так что возвращаться придется официально, длинной дорогой через пограничный пост.

Город знали, как собственное село: чай, пожилы без границ, а поскольку Украина была значительно ближе собственного райцентра, то и в магазины, на поезда, в больницы ходили-ездили сюда. Без подсказок разыскали и морг. Там их заставили расписаться в какой-то бумажке ипустили в прохладный, матово освещенный барак: забирайте, который ваш.

Федор лежал на крайнем топчане. Заострившийся нос, выступивший вперед подбородок и впавший рот изменили его облик, но не настолько, чтобы не узнать или засомневаться. На пиджаке висели колодки от медалей, но без самих кругляшей. На правой стороне, где по праздникам всегда красовался орден Отечественной войны, зияла рваная дыра.

– Как поступил, так все и есть, – толстенький санитар, не дождавшийся подношения, демонстративно отвернулся и наседкой замер над остальными топчанами. Авось на каком-то и снесется золотое яичко на обед...

Деды затоптались вокруг топчана, примеряясь, как подступиться к покойному.

– Бери за ноги, – скомандовал Степан.

Стараясь не смотреть на лицо свата, Трояк взялся за туфли. Они скользили, одеревеневшие ноги Федора норовили хотя бы еще раз коснуться земли. На телеге порядок заранее не навели, и пришлось расправлять сбитую попону уже под умершим, чтобы ехалось ему домой мягко, без неудобств. От любопытных глаз прикрыли тело предусмотрительно прихваченной простынкой и тихонько тронулись.

Покрывало отбросили пограничники. Сверили Федора с фотографией на паспорте, бдительно ощупали сено под покойным, долго созванивались по телефону, и в конце концов дали от ворот поворот:

– Вы нигде не переходили границу официально, а этот, – кивнули на телегу с умиротворенно лежащим Федором Максимовичем, – должен идти уже как груз. Через таможню. Надо декларировать.

– Да вы что, ребята? Домой же везем. Человек умер, – опешил Степан, взявший на себя роль переговорщика.

– А откуда мы знаем, где и как умер? Может, возите специально, выведывая секреты.

– Какие секреты? – простодушно не понял Степан.

– Ну, железная дорога рядом. Да мало ли что задумали. Вон, мотаетесь на танках вдоль границы. Что у вас на уме, откуда нам знать. Давайте назад, пока лошадь не конфисковали. Или ищите какие хотите справки. Назад.

Из машин, стоявших в очереди на пересечение границы, недовольно засигналили. Орлик нервно загарцевал, пытаясь развернуться с оглоблями в узеньком, огороженном бетонными блоками, коридоре.

– Сейчас, сейчас, – бормотал Степан, стыдясь своей нерасторопности при всеобщем внимании.

Трояк тоже прятал глаза. А вот с лица Федора Максимовича покрывало на разбитой дороге сползло раз за разом, позволяя ветерку легонько перебирать его седые волосы.

– Слава Украине!

– Героям слава! – вдруг раздалась из узкой полосы парка, тянувшегося вдоль дороги, знакомая по телевизору речовка.

– Кто не скаче, той москаль.

– Про нас, Колька, – с грустной усмешкой посмотрел на попутчика Палаш. На телегу пока не садились, шли рядом с покойным. Но ускорили шаг, подстегнув вожжами Орлика – от греха подальше.

– Москаляку на гиляку.

– Что такое гиляка? – уже не без тревоги любопытствовал Степан. Трояк сидел на Украине, за столько-то лет язык поневоле выучишь.

– Виселица.

Степан проворно вспрыгнул на телегу, кивнул напарнику – поехали отсюда.

– Хотя правильнее – шибеница, – попытался успокоить Трояк, словно на ней, шибенице, висеть было приятнее, чем на гиляке.

А шум митинга нарастал, впереди через низенькую ограду стали перепрыгивать люди, пробуя останавливать машины. Первые успели увернуться, но толпа густела, и перед Орликом улицу наконец закупорили.

– Кто не скаче, той москаль, кто не скаче, той москаль, – запрыгала вокруг машин молодежь.

Орлик задергался, не понимая шума, а тут и к экзотическому транспортному средству подскочило несколько человек.

– Хлопц, ынь не скаче. Москалюка. Треба конфюкувати. На донецкий фронт.

– Або нехай за него скачуть дщи.

Степана и Трояка оторвали от телеги, задергали, вовлекая в общий ритм скачки. Палаш несколько раз подпрыгнул, лишь бы отстали и не принялись потешаться над телом соседа. Да и с какого рожна отдавать им лошадь.

Его дряблых скачков оказалось достаточно, чтобы сойти за своего, а вот Трояк встал как вкопанный. Как Орлик. Но тому нельзя падать на колени, на них у него с рождения белые звездочки, сразу замарает...

– Слава Украине! – принялись кричать в лицо деду пацаны, требуя ответа.

«Федору слава», – вдруг произнес про себя Трояк.

Наверное, ему ничего не стоило, как Палаш, два раза подпрыгнуть и уехать восвояси. Но жизнь, прожитая после войны на задворках, без права голоса, сейчас словно давала ему шанс начать ее последний остаток с чистого листа. Да-да, здесь, сейчас его не просто заставляли скакать бараном посреди улицы. Через 75 лет после начала войны ему вновь предстоял выбор. Возможность исправить трагическую ошибку юности. Обрести хотя бы на старости лет собственное достоинство. Пожить днем, с людьми, а не прятаться от из взглядов десятилетиями в ночных сторожах. А Федор, даже мертвый, завернутый в попону, был судьей, он из своего небесного далека словно готов был поверить, что тогда, после седьмого класса, произошла нелепая ошибка...

– Скачи! – нетерпеливо толкали Трояка. – Скачи, москаляка.

Из-за прыгающих тел строил страдальческую мину Степан – да прыгни ты, что взять с идиотов. Но Колька Трояк словно застыл. Его уже толкали в спину, сбили картуз, и центр сборища, предчувствуя жертву, стал перемещаться к телеге, а он оставался нем и недвижим. Стало понятно, в какую катавасию попал перед смертью и Федор, как сорвали у него ордена...

– Да, хлопцы, хлопцы, – порывался защитить односельчанина Степан. – Он же глухонемой. Немой и глухой.

И как последнее спасение, сорвал простыню: не глумитесь над покойником, не берите грех на душу. Простынь висела в поднятой руке белым флагом, он мог развести стороны, но в эту секунду Трояк вдруг запел. Он помнил, когда пел на людях последний раз – в школьном хоре на Первомай, перед самой войной. Потом миллионы раз про себя в тюрьме и длинными ночами при работе сторожем в колхозе. А сейчас на удивление толпе, самому себе, а более всего – Степану, вдруг негромко напел:

Ой у гаю, при Дунаю

Соловей щебече.

Вш же свою всю пташину

До гтздечка кличе...

– Да какой же он глухонемой? – замерла толпа, сама наполовину говорившая по-русски.

Однако песня звучала украинская, на телеге лежал покойник, и постепенно, отвлекаясь на другое, люди стали отходить. Слух о почившем достиг передних рядов, и не сразу, по одной машине, но затор стал рассасываться. Вслед Орлику свистнули, не без этого. Но именно лошади, а не умершему – даже молодежь озверела не до конца. В глазах Трояка стояли слезы, он вытирал их истоптанным в пыли картузом, и Палаш сочувственно тронул попутчика, готовый разделить его боль от ударов.

Только дед Коля Троячный не мог сдержать слез не от боли, а от опустошившей его гордости. От забытой радости. От того, что выстоял, не запрыгал старым козлом. Что не сдался даже при поднятом белом флаге. И что теперь мог впервые за семь десятилетий долго, не отводя взгляд, смотреть в лицо свату: «Здравствуй, Федор. Вот так оно получилось. Спасибо тебе».

– Как ты их! – поднял зажатую в кулаке вожжу Степан. – А я того... чтоб быстрее вырваться, – оправдался за себя, хотя деду Коле чужого не требовалось. – Запрыгивай. Но, милый. Домой, Орлик. А мы еще побачим, кто и как будет скакать на морозе без газа. У нас цыплят по осени считают...

Подъехав к месту, где утром выбирались с русского поля на украинскую дорогу, остановились. Степан стал поправлять сбрую на лошади, а на деле выжидая, когда освободится от машин трасса. Хотя следовало поторопиться: над лесом нахлобучивалась туча, потянул свежий ветерок, будоража лошадь. Они такие, они грозу ноздрями чувствуют.

Дед Коля тоже спрыгнул с телеги, вдвоем оглядели место спуска. Степан на правах возницы вздохнул:

– Можем перевернуть. Придется переносить на руках.

Замешкались, не помня, головой или ногами нести тело с насыпи. Попробовали боком. Заскользили, путаясь в будылях старой травы. Как ни старались удержать Федора на весу, уронили. На трассе заурчала машина, и мужикам пришлось лечь, прикрывая покойного собой.

Подняли головы, лишь дождавшись тишины на дороге.

– За нас умер, – вдруг произнес Степан. И хотя Николай не спорил, упрямо кивнул: – За нас. Мы жили – а он работал. Горел. Не было лучше соседа...

Степан словно тоже просил прощения у покойного за все споры и насмешки, случившиеся на долгом соседском пути-житии. А может, и за невольный белый флаг перед теми, кто убил Федора Максимовича три дня назад. Легче было промолчать, никто не требовал оценок и подведения итогов, но это на похоронах, при стечении народа есть возможность укрыться за спинами других, а когда остаешься один на один с умершим, совесть беспощадна и заставляет каяться.

– От совести умер, – попытожил Степан.

Троячный согласно примерил услышанное к свату.

Глаза и рот у того от тряски приоткрылись, и он наложил ладонь на веки свату. Затем оторвал по кругу, лентой низ у своей рубахи, подвязал покойному челюсть, закрывая рот. Дела скорбные, но житейские, и кому-то требовалось заниматься и этим. Он, Николай Иванович Троячный, проводит в последний путь истрепавшего ему все нервы родственника с честью и достоинством. А памятник ко Дню Победы покрасят внуки. Может, конечно, и сам, но как посмотрят люди? А вот внукам скажет, чтобы приехали. На Украине, вон, похоже, этого не сделали...

– Опять они? – полковник недоуменно оглядывается на меня.

Если ему отвечать за безопасность границы, то за безумие на ней жителей близлежащих сел объясняться, видать, мне. Щека у друга снова дергается, это нервный тик и, скорее всего, от контузии. Где успел поймать ее?

Около дубков угадывалась понурая лошадка. К телеге, оглядываясь, тащили по траве туюк двое мужиков.

Бинокль приближает границу до вытянутой руки, и по белым звездочкам на коленях легко узнаю Орлика, едва ли не последнего из оставшихся в селе коней. Его погоняют веткой Степка Палаш и Колька Трояк, бывшие уже дедами даже в моем детстве. Странно, на границу моталась обычно молодежь...

– Проверить, – отдает команду для головной машины полковник.

Остаюсь на броне и единственное, чем помогаю землякам – «рулю» так, чтобы пыль уходила в сторону от телеги. Только бы не везли ничего запрещенного.

Везли... мертвого. Из старой попоны, свернутой туюком, торчали ноги, и командир оглянулся на меня: ты что-нибудь понимаешь?

– Дед Федя того... песня спелась, – начал доклад Степка Палаш, выделив из всего десанта в командире человека с биноклем. И это правильно. У кого бинокль, тот главнее всех.

– Тромб оторвался, – не забыл диагноз дед Коля. – На Украине.

Он перевел взгляд на меня, на лице мелькнуло удивление, он недоверчиво обернулся за подтверждением догадки к напарнику. Я это, дед Коля, я. Между прочим, везу приветы и фотокарточку от вашего внука-курсанта. Через месяц ему на погоны упадут лейтенантские звезды и он займет место в одной из таких же боевых машин. Только вот имя покойного...

Спрыгиваю с брони. Непроизвольно задерживая себя, трогаю мокрые бока лошади. Из детства всплывает отцовское предостережение: потных лошадей не поить, прежде надо давать им остыть. Тем более тянет прохладным ветерком. Чересседельник совсем истончился, а вот ступицы в колесах можно было бы и смазать. Или солидола теперь днем с огнем? И, кстати, совсем необязательно, что это «мой» дед Федя. Человека два-три с этим именем в селе точно еще есть...

– С мамкой твоей... – первой же фразой рассеивает надежды Степка Палаш, и я трогаю под пыльной простыней торчавшее острое плечо. Дед Коля, заглядывая под покрывало, развязывает какой-то узел около лица покойного, словно не желая открывать и показывать его лицо в неприглядном виде. Вытаскивает повязку, приоткрывает простынь.

Он.

– Как? Почему оказался там?

– Командир его умер, поехал к нему на похороны. Да при наградах, как положено. А там, видать, это как раз и не положено. Налетели скачущие. Может и не тромб – сердце обвалось...

Он еще что-то говорил, а я всматривался в знакомое, хотя и небритое, осунувшееся лицо старого партизана. Он воевал вместе с моей мамой в отряде, которым командовал ее отец. Однажды в окружении, когда не осталось надежд вырваться, дедушка свою дочь и самого юного из разведчиков Федю вместе с ранеными отправил через болото. А сам повел отряд на прорыв в другом месте, отвлекая на себя немцев. Погиб, когда поднимал партизан в атаку и закричал «ура». Пуля попала в горло, она словно хотела остановить этот клич – клич отваги и победы...

Когда я оказался в плену в Чечне и за меня затребовали миллион долларов выкупа, и люди понесли родителям деньги – кто сто рублей, кто пятьдесят, дед Федя вместо живых денег принес баночку краски:

– Вот, хотел бабке своей крест на могиле обновить, но пусть полежит под старым. А тут, ежели краску продать, какая-никакая, а копейка появится. Вдруг ее-то как раз и не будет хватать на освобождение...

И вот дед Федя лежит передо мной на старой скрипучей телеге с вырванными медалями. Живой, он не только хранил память о войне и погибших односельчанах. Он, как тогда при прорыве, словно прикрывал собой еще и маму. Теперь, выходит, она осталась крайней, последней из отряда...

Господи, как все вдруг сошлось около деревенской телеги. И боль, что текла из Украины в Россию далеко-далеко отсюда и, казалось, не затронет меня вживую, вдруг выцелила острием в самое сердце. Дотянулась через сотни километров, отыскала меня среди перелесков, пронзила, заставила бессильно замереть. И я со своей – не своей колонной, опоздавший на какие-то сутки. Авось бы наш проезд утихомирил горячие головы там, за березовыми дубками, вдруг непреодолимой стеной разделившими всех, кроме контрабандистов.

Зашелестела в голос трава у колен. Ветер от дубков, легко разогнавшись по чистому полю, упруго ударил в спины. Вихрю они препятствием не послужили, ему бы мчаться дальше, но он почему-то закрутился юлой вокруг нас, психом расшвыривая из телеги соломенную подстилку. Орлик тревожно зафыркал, и Степан, преодолевая сопротивление, продавился к нему, обнял за шею, унимая и свою, и его дрожь. Дед Коля навалился на телегу, вцепился в свата, – то ли как в последнюю опору на земле, то ли не позволяя ветру вознести умершего сразу на небеса, без погребения на земле. Сечкой полоснул дождь, загромыhalo, потемнело вокруг, завывало.

– Давайте к нам, – позвал полковник в десантный люк.

Но я остался со стариками. Повторяя Трояка, навалился на телегу, закрывая собой деда Федю. Что уже натворил смерч на украинской стороне, нам было неизвестно, требовалось сбегать свое – живых и мертвых.

Сколько продолжалось светопреставление, осознать, наверное, мог только Орлик. И то потому, что стоял на земле четырьмя ногами. Нам время в любом случае показалось в два раза дольше...

Первым и пришел в себя он – зафыркал, словно очищая забитый пылью рот. Унялась у ног омытая трава.

И солнце вновь заластилось с неба: «Ничего не помню, ничего не знаю, не при мне было». Подняли головы на меня и старики: что это было? Американский торнадо, подчиняющий себе все? А вот мы выстояли! И никого не сдали...

Спрыгнул с БМП, удерживая от тика щеку, полковник. Неожиданно сделал то, что обязано было исходить, наверное, от меня – перекрестился. Знать, повидал и прочувствовал за время нашей разлуки что-то более значимое в этой жизни.

– Я уведу броню в другое место, – прошептал затем только для моих ушей.

Зачем?

Но он уже подтолкнул меня плечом – еще наверняка увидимся. Вспрыгнул с разбега на острую грудь машины, отдал команду, и та осторожно, чтобы не испугать лошадь, развернулась, ушла виражом к кладбищу. За ней, как за вожакom, начала вылетать из засады и выстраиваться журавлиным клином остальная «гусянка». Не закурылкала – ревела моторами на грешной земле. Оно и правильно: что бы не летало в небе, земля остается у тех, чей пехотинец стоит на ней. А я для них все же лучшее в округе место выбрал. И какая защита была родному селу!

Но бронеколонна истончалась, исчезала в самосевке, и вдруг меня пронзило: а ведь командир уводил не просто свой клин. Он уводил от могил моих родных и близких, к которым я ненароком, думая только о военной выгоде, привел войска собственными ногами, войну. Словно заглянув в неведомые мне глубины, полковник распознал какую-то неправильность сделанного мной, и теперь прикрывал не только страну, выделенный ему участок границы с моим селом, но и лично меня. Уралец оказался мудрее на ту самую контузию, которую заполучил без меня на одной из войн.

И как совсем недавно я кивал могилам родных с брони БМП, кланяюсь незаметно вслед исчезающей колонне.

Спасибо. И... и тем не менее, все равно – танцуйте, мужики. Танго!

Лезгинку.

Краковяк.

Жемжурку!

Танцуйте без усталости, с полной отдачей, пусть даже ради других – как только и может русский солдат. Потому что наша телега с дедом Федей – она тоже из той, общей боли, что течет к нам с юго-востока. И как желал командир, но как пока не будет на самом деле – пусть окажется последней.

– Но, милый, – тронул Орлика Палаш.

Группа изъятия (новелла)

1

- Раз! – палка на плечо.
- Два! – щиты перед собой.
- Три! – рывок в толпу.

Счета «четыре» нет. В толпе щиты раздвигаются и из-под них вырывается группа изъятия. Обычно это три-четыре человека, задача которых выхватить из людского водоворота буйных и провокаторов, заводящих и подстрекающих людей к погромам и насилию. Утащить их за вновь сомкнувшиеся стальные щиты.

И снова: раз! два! три!..

От того, как сработает группа изъятия, зависит жизнь и безопасность не только людей, участвующих в митинге или демонстрации, но и случайных прохожих. Не говоря уже об обстановке в городе...

Это – из тактики действий бойцов внутренних войск по локализации конфликтов.

2

Гуманитарные конвои, которые направляет Россия в охваченный огнем Донбасс, вольно-невольно, но тоже представляются своеобразной группой изъятия. Сотрудники МЧС не просто привозят грузы – они одним своим появлением «изымают» с охваченных огнем территорий тревогу, страх, голод, неуверенность людей в завтрашнем дне. И на ставших знаменитыми белых «Камазах» вывозят их за пределы войны, развеивая по ветру хлопающими тентами пустых кузовов. Людям же остаются продовольствие, стройматериалы, топливо.

Но это будет чуть позже, на обратном пути. А пока мы только едем в Луганск. Пожилые люди безостановочно крестят машины. Одна из старушек на окраине придорожного поселка встала перед нами, белыми призраками вышедшими из белого тумана, на колени. Нас, как диковинку из зазеркалья, показывают малым детям в колясках и те протягивают нам свое самое дорогое – любимые соски. По изрытому снарядами полю из дальнего села бежали к трассе в распахнутых куртках два пацаненка. Они наверняка прослышали про новогодние подарки в нашей колонне, и скользя, падая в подтаявшие лужи, вновь подхватываясь и снова разбрызгивая грязь, мчались наперерез Камазам.

Успели! Чумазами и счастливыми запрыгали на обочине. Привет, пацаны. Вас не обманули. Мы трое суток сквозь тысячу километров, мокрый снег и туманы пробивались именно к вам. За нашими спинами, под белыми тентами не танки и не ракеты, которые киевские дизайнеры рисуют на компьютерах и выставляют в Интернет. В машинах, которые вы видите, которые обдают вас жаром моторов от долгой дороги, 39 тысяч подарков для инвалидов и 142 тысячи новогодних комплектов для детей до четырнадцати лет – каждый ребенок Луганщины перед этим был взят на учет. Так что вас тоже посчитали, пацаны. Не забыли.

Страшно другое – что вся эта 181 тысяча больных, немощных и детей более полугода находится на грани жизни и смерти. И если мы невольно посчитали их в переводе на конфеты, шоколадки и пряники, то украинская сторона сосчитала их вместе с отцами и матерями, проработавшим всю жизнь на благо Украины, на бомбы, подвешиваемые под люки самолетов. На снаряды, загоняемые в ненасытные, прожорливые жерла «Градов». На патроны, сжимающие

пружины в магазинах автоматов, чтобы под их давлением безостановочно стрелять, стрелять, стрелять...

Наверное, я бы тоже бежал, парни, как вы или даже вместе с вами, к этой белой, растянувшейся на пять километров, стомашинной живительной ленточке. Но подумалось о другом: а ведь Россия, конвой за конвоем вывозя, отдавая из собственных, не таких уж богатых закровов кровное, мозолями и потом наработанное, не становится тем не менее беднее. Наоборот – она прирастает на искрящийся взгляд этих перепачканных в грязи пацанов. На чувство собственного достоинства. Национальную гордость. На добрососедство, в конце концов. И история рассудит, кому воздастся за помощь, кому аукнется за войну.

А вообще-то слово «конвой» применительно к МЧС не совсем точное, потому что военное и предполагает как минимум вооруженную охрану. Груз же, перевозимый в колонне, исключительно гражданского предназначения и не может передаваться не то что бойцам вооруженных сил республик, но даже и ополченцам. За этим пристально следят сотрудники ОБСЕ (будем верить, что тоже исключительно гражданские зарубежные товарищи), садящиеся на хвост колонне, едва она пересекает границу.

Есть еще одна особенность нашей поездки: если первые грузы формировались по наитию их организаторов, то десятая шла уже исключительно по заявке (просьбам) Центров восстановления республик. В нашей Десятке (десятой по счету колонне), кроме подарков, двух десятков живых елок, заготовленных в лесах под Ногинском, вновь возем стекло, рубероид, топливо...

3

Что есть мирная составляющая в войне на Юго-Востоке Украины? Существует ли она вообще? Ведь прекрасно понимаем жесткие игры современности, когда политики сначала жмут друг другу руки, а потом без зазрения совести стреляют в спины. Или «благородство наоборот» военных, которые сначала стреляют друг в друга, а потом, при перемириях, жмут руки. Впору вспомнить атаманину Гражданской войны и никому и ни во что не верить. Но вдруг среди всей этой политической мешанины и вакханалии появляется все в белом МЧС. В применении к цвету «Камазов» – даже без иронии. С добром, открытым сердцем и чистыми руками.

У них есть адрес прописки – Спасательный Центр в Ногинске. Именно здесь формируется ядро колонны с гуманитарным грузом, водители этого Центра раз за разом садятся за руль, получают позывные и под звуки «Прощания славянки» начинают наматывать расстояние до «Точки-1» (Донецк) или «Точки-2» (Луганск).

Десятка выходила в 6 утра хотя и в канун Николе Зимнего, но под непрерывным дождем. Уже сказаны напутствия, отданы распоряжения, зазвенела медь оркестра. Настоятель местного храма отец Михаил, подаривший на удачу старшему колонны иконку Николая Чудотворца, побежал к воротам – успеть перекрестить и окропить святой водой каждую машину. Защитную силу этого креста потом, через трое суток, усилят своими ручками старушки Донбасса...

Ожили рации:

- Нехристи, снимите шапки.
- Так это технику окропляют.
- Мы-то доедем, если она не подведет.
- Прекратить базар в эфире.

На лобовом стекле то ли дождь, то ли святая вода. Не счищаем...

В колонне порядка 40 машин. Мизер. Основной костяк будет группироваться в Ростове-на-Дону, куда уже идут грузы из Брянской, Курской, Липецкой областей, Поволжья и Урала, республик Северного Кавказа. Три машины сформированы уполномоченным при президенте

РФ по правам ребенка Павлом Астаховым, три грузовика – ЛДПР, один четырнадцатитонник – Федеральным собранием РФ. В колонне идут машины Московского отделения Красного креста, машины обслуживания, «таблетка» – санитарная машина с лирическим позывным «Укол». До выхода на трассу М-4 «Дон», где начинается просторная для движения двухрядка, порядка ста километров, и эфир наполнен командами и предупреждениями:

- Внимание по колонне: обгон слева.
- Притормаживаем на спуске. Гололед.
- Я – «Рубеж-3». Справа тихоход.

«Рубеж-3» – это зампотех Евгений Иванов, он движется впереди нас старшим над шестью машинами. В МЧС водителями служат как ребята срочники, так и контрактники, и вольнонаемные. На выезды в ДНР и ЛНР солдат срочной службы не берут вообще, а если попадают контрактники, то, чтобы не возникали лишние разговоры, они снимают даже сержантские лычки, не говоря уже о знаках отличия на груди. Фрол, управляющий «моим» «Камазом», более всего сожалеет, что пришлось отвинтить знак парашютиста, с которым никогда не расставался после службы в десантных войсках. От него теперь только дырочка на куртке. Как нет в кабине и привычного для его друзей выпела ВДВ «Никто, кроме нас». У ракетчиков, для интереса, своя игра слов по поводу собственного армейского девиза: «После нас – никого». Но то армия, а здесь, в МЧС, и впрямь ничего, что могло бы провоцировать международных наблюдателей или прессу. Ведь и многие грузовики были перекрашены из армейского, заводского зеленого цвета в белый опять же по этой причине. Как говорится, себе дороже, когда в благороднейшее дело начинает вмешиваться большая политика.

Идем для колонны достаточно быстро, благо до самого выхода на трассу светофоры перекрывает ГАИ.

– Эх, «лентяйку» не успел купить, – пожалел Фрол, едва выскочили на М-4 и расправили плечи. Похлопал по рулевому колесу, на котором и крепится ручка, при помощи которой можно управлять машиной одной рукой.

Фрол вообще-то – это Фролов Владимир Николаевич, сделавший уже 7 ходок в Новороссию. Не устает хвалить «Камазы»:

– Татары молодцы – такую машину сделали. Все подсмотрели и предусмотрели для водителя: начиная от углубления для мобильного телефона до кнопки, фиксирующей заданную скорость. Смотри, ножки ничего не нажимают, стоят отдыхают, а дистанцию держим. Да и любую поломку можно самому устранить, настолько все просто. Не машина, а автомат Калашникова.

При этом принялся. Запах от тормозных колодок впереди идущих машин водитель не спутает ни с чем, но гололед и старающиеся втиснуться между грузовиками легковушки заставляют водителей хвататься, как за кобуру, за рычаг тормоза, играть «стопами». Габаритные огни машин у всех одинаковые, похожи на майорские погоны с одной красной звездой на каждой стороне кузова. Не то что остановить, просто притормозить четырнадцать тонн, давящих в спину, достаточно сложно, и Фрол через стекло увещевает очередного вальяжного нарушителя иномарки со светящимися «маршальскими погонами» на обоих «плечах»:

- Ну куда ты? А если бы у меня стекло было? Грудю осколков бы привез людям?
- Внимание по колонне. Снижаем скорость, вытряхиваем «блех».

Гармошка сжимается. Водители затесавшихся в колонну легковушек не выдерживают тихого хода, сами выпрыгивают из нее и уносятся вперед. У нас тоже привалов совсем мало, до темноты требуется въехать в Воронеж на первую ночевку.

- 31-й, у тебя баннер развязался.
- Понял. Разрешите остановиться?
- Разрешаю.

За свои машины отвечают не только водители, но и те, кто идет в колонне следом. О замеченных неисправностях первыми докладывают именно они.

- 22-й, левый габарит мигает.
- Понял. Растрясло. Замену.
- «Укол», «Укол»! Я – «Лидер».
- На связи.
- Справа авария, вижу раненых. Оказать помощь до приезда «скорой». Догоняешь самостоятельно.
- Принято.

Сзади колонны взвыла под синие проблесковые маячки сирена, «таблетка» унеслась вперед, и когда к месту аварии подъезжаем мы, майор Радик Донской уже делал перевязку лежавшей около перевернутого «Фольксвагена» женщине. Как раз граница с Тульской областью, плохое место для аварий: туляки уже не выедут, потому что не их территория, для Подмосковья это самая дальняя точка. Так что «скорой» добираться долго. И повезло раненым, что еще не проскочили это место мы...

Несмотря на то что наступала серия самых коротких дней в году, к Воронежу подъехали еще засветло. Взгляд останавливает надпись – «Город воинской славы». На перекрестке ждет проезда нашей колонны автобус на Орел. А ведь он тоже город воинской славы России. И Курск, и Ростов, и Белгород, которые рядом, уже светятся своими именами на дорожных указателях, они тоже этого высокого звания. Столько же было проявлено нашими предками мужества и доблести всего лишь на этом малом пятачке земли! И ведь он не замыкается границей, он идет ведь и дальше, в Краснодар с его легендарной «Молодой гвардией», в Харьков, другие города и поселки Украины, явившие миру такую же беспримерную отвагу в борьбе с фашизмом. Как могло случиться, что ныне Украина кланяется портретам пособников фашистов Бандеры и Шухевича, присваивает им звания Героев Украины? Что создаются целые батальоны, проповедующие свастику, и Киев молится на них, вооружая на борьбу с клятыми москалями? Что должно было произойти с народом, если они приняли подобное?

Хотя Крым не принял. Донбасс не принял, восстал. Стоны казненных молодогвардейцев здесь, в шахтерском крае, оказались памятнее и сильнее американских подачек, на которые изошел слюной Киев. Интересны данные социологического опроса, который провели среди жителей России: чем более всего они гордятся? Люди называли родной край, семью и род, достижения науки и спорта. Но более всего, до 40 %, безоговорочно мы оказались горды историей своего Отечества. Теперь видим: переписанная история наших соседей в итоге порождает фашизм.

- Я «Укол», в колонне.
- Я «Замок». Прошли указатель в аэропорт.

4

В Воронеже приют машинам дали рядом с аэропортом: и под охраной, и есть возможность разместить водителей на отдых в общежитиях и гостиничках.

Невольно вспомнилась первая гуманитарная колонна, с которой в августе 2008 года ехал в Цхинвал. Собранные со всего Подмосковья разнокалиберные машины, кое-как упакованный груз, ночевки в поле в кабинах машин. Истинные цыгане. Я ехал с Мишей, которого за частые поломки прозвали Катастрофой. Но именно тогда вдруг впервые после распада Советского Союза ощутил, как заворочалась, поднимаясь и просыпаясь, Россия. Как огляделась и первое, что предприняла, – протянула руку ближнему, болящему. Эта рука была без перстней, браслетов, но уже не вялой, не дряблой и немощной. И мир неожиданно увидел, что мы, вроде бы уложенные на лопатки, пляшущие под любую дудку любого иностранца, вдруг оказались способны иметь собственное мнение. Тогда, в 2008-м, тоже ведь страшали санкциями, грозили пальчиком – не смей! Посмели. И мировому сообществу, этому бесполому существу, прячу-

щемся за спины друг друга, пришло грустное осознание: это не постперестроечной России нужно привыкать жить на задворках остального мира, а миру придется привыкать к сильной и самостоятельной России. И считаться с этим. Хотя ох как не хотелось этого после Горбачева и Ельцина! Уверен: не окажи моя страна помощь Южной Осетии, дрогоны – США и Запад снова изошли бы язвительностью, но уже по поводу того, как Россия бросает своих друзей и своих граждан на заклание. Симптоматично, наверное, что единственная болезнь у американского президента Обамы, о которой известно миру, – это изжога...

Прошло 6 лет, и о возросшей мощи, самостоятельности страны я смогу судить уже в Ростове по идеально выстроенной мощнейшей колонне в 240 машин, растянувшейся на 10 километров. Там, в Ростове, я встречу с ветераном-десантником, который на встрече с молодыми бойцами и офицерами ВДВ скажет: «Сынки мои. Я очень хочу, чтобы вы запомнили шоколадный пальчик американского президента Барака Хусейна Обамы-младшего. И добрались до этого пальчика, и отрубили его. И заспиртовали в трехлитровой банке русского самогона, чтобы привезти и выставить на всеобщее обозрение в Музее Воздушно-десантных войск – этот пальчик посмел грозить России». Эмоционально, конечно, но и впрямь – не надо грозить России. Ни-ко-му! Пересекусь на несколько минут и с товарищем из Львовского политического училища. Он торопился, нервничал – предстояло ехать в Беларусь, куда тайно должна была приехать на свидание с ним оставшаяся на Украине мама. По-иному увидеться родным людям не получается: сын, полковник Российской Армии, для Украины зрадник – предатель.

5

Но мы пока еще шли, тянулись по «Дону» ближе к границе, оставляя позади гостеприимный Воронеж. Разминал шею Фрол, обнюхивала дорогу, не боясь колес, юркая поземка.

- Внимание по колонне: справа мужчина пытается перебежать дорогу.
- Сегодня не его день.
- Говорит «Лидер». На Центр получено 15 новых «Камазов». Поздравляю.
- Заработали, ура.
- Готов принять любой!
- Мой «старичок» тоже чихает.
- Дисциплина в эфире.

В колонне есть «элита» – это те, кто возил гуманитарный груз еще в Чечню. Практически все развозили его по всей стране во время последних пожаров и наводнений. Фрол вообще барабанит пальцами по окошку спидометра: его «Камаз» за последние три месяца ходок на Донбасс намотал 20 тысяч километров – ровно столько же, сколько до этого за пять лет.

– Говорит «Лидер». Всем привести в порядок форму одежды, в Ростове встречают журналисты.

Внимание к Десятке колоссальное, десятки камер снимают наш ночной въезд в ворота Спасательного центра «Донской». Он одним из первых принял летом хлынувший поток беженцев с Украины, доходило до того, что сотрудники Центра отдавали людям свои подушки, лишь бы создать им более комфортные условия проживания. Так что о боли соседей они знают не понаслышке.

В Центре уже практически не развернуться: на плацу, на всех дорожках в два ряда стоят прибывшие ранее десятки наливников с горючкой. Вытянули острые мордочки, словно обнюхивая нас и признавая за своих в общей, уже подружившейся стае, «банзай» – «Камазы» с тремя ведущими мостами, которым все равно, куда лететь. «Банзай» – и вперед!

Отвечающие за работу с прессой Сергей Фофанов и Павел Акулышин успокаивают журналистов: успеете взять любой материал, в Ростове стоим сутки – полноценный отдых водителям, техосмотр и дефектовка каждой машины. Но прессе не терпится, она ищет по грузовикам

елки, уточняет цифры, просит на интервью руководителей. Но для того, чтобы Десятка, как и предыдущие колонны, явила собой образец четкости, порядка и организованности, штаб не отвлекается ни на минуту. Потому пишущая и снимающая братия с радостью устремляется к пожарным гидрантам, по которым через пожарные рукава подается вода для помывки машин: новогодние подарки для ребятишек Донбасса должны быть не только в ярких упаковках, но и привезти их обязаны красивые, чистые машины. Аббревиатуру МЧС сами сотрудники в шутку и расшифровывают как «Моем – Чистим – Стираем». Но это машины можно отмыть от дорожной грязи, а как отмыться украинским политикам, развязавшим войну с собственным народом? Какие пожарные рукава подтягивать для них, какой напор струи устанавливать? Мусорные баки, в которых сейчас бросают по всей Украине неугодных политиков – это и есть смысл Майдана? Символ тысяч смертей соотечественников? Сотен тысяч обездоленных?

Ридна мати моя...

Укрепляем над кабинами флаги. По правую руку от водителя российский триколор, по левую – флаг МЧС. Мы не прячемся под эфемерное «сообщество», не стыдимся своих поступков, потому что знаем, куда и ради чего едем. И кто мы. Николай Буданов. Евгений Иванов. Александр Сирук. Дмитрий Громов. Владимир Фролов. Константин Севастьянов. МЧС России! Мы сами заказываем музыку! По нашему духу, нашему пониманию добра.

6

Дирижировать глубокой ночью оркестром в 240 скрипок выпало майору Антону Жучкову.

Вместо дирижерской палочки у него антенна зажатой в кулаке рации. Ноты заменяет список очередности выхода машин. Вместо подставки – плац «Донского».

Первый взмах.

И взята нота «до», пошла к воротам командирская машина.

«Ре» – и закачались «шаланды», «черепашки», «красавицы» – как только не зовут свои «Камазы» и «Вольво» водители. Долгая нота получилась, протяжная.

«Ми» – загудели оранжевые наливники, обозначив себя еще и оранжевыми сигнальными фонарями.

«Фа» – загарцевали, сдерживая мощь, «банзаи».

«Соль» – заревели тягачи. Их от остальных машин отличает желтая полоска по бортам. В кузове у каждой по три бетонных блока – для устойчивости, веса, возможности вытащить любую «шаланду» из любой грязи, как муху.

«Ля» – незаменимая, элегантная медицина. Лишь бы не пригодилась.

«Си» – машины технического замыкания, под завязку набитые аккумуляторами, бачками с маслом, колесами, карданными валами, тормозными колодками, всевозможными шлангами и трубками – запчастями под любую возможную поломку.

Голова колонны упирается в ближайший к Центру поселок Рассвет. Но на часах 4 часа ночи и ни одного просвета на небе. Как и ни одной звездочки. И хотя сегодня самая долгая ночь в году, отдыхали мы в ней самое меньшее количество минуток...

– Орлы, спите быстрее: через пять минут подъем и начало движения.

– Коля, ты что, не позавтракал?

– Как не позавтракал? Еще вчера вечером.

Настроение в эфире боевое. С Богом!

– Говорит «Лидер». Колей и Гриш оставляем в России. Работать только по позывным.

– Внимание по колонне: впереди усиление тумана.

На одной из Ростовских развилек половину колонны уводит за собой в «Точку-1» начальник Ногинского Центра Александр Николаевич Лекомцев. На Луганск свою «ниточку» в сто

машин уводит его заместитель Василий Валентинович Мясников. За предыдущие поездки водители изучили их характеры досконально: если Лекомцев больше доверяет ориентироваться в обстановке самим водителям, то Мясников привержен более жесткому контролю движения. Друг друга они прекрасно дополняют, и, может, оттого за все десять поездок водители не создали ни одной аварийной ситуации, не оставили на обочине ни одной машины.

7

К границе подъезжаем уже при дневном свете, занимая все свободное пространство перед таможенным терминалом. Летом сюда залетали украинские снаряды, но здания отремонтированы, воронки закатаны асфальтом. Быстрее всего грузы доставлять, конечно, тяжелыми транспортными самолетами, но кто даст безопасность полета, если в украинском небе сбивают даже гражданские лайнеры? Железнодорожники Луганска круглосуточно работают на «железке», понимая, что именно грузовые составы могут стать самым быстрым, надежным и дешевым вариантом доставки «гуманитарки» в республику. Но опять же, украинская артиллерия, самолеты бомбили не голые поля, они целились по узлам жизнеобеспечения городов и поселков. В данном случае по переездам, подстанциям, семафорам, стрелкам. Как восстановят железную дорогу, водителям и станет полегче. Но пока...

– Машину к осмотру, водителям на пограничный контроль.

В каждой машине уже по два водителя, подсевших в Ростове: опять же подстраховка на любой непредвиденный случай. У первых подошедших к осмотру машин возникают украинские пограничники. Они-то откуда, если за нейтральной полосой – уже ЛНР, а там киевскую власть не признают, а их людей с оружием тем более?

Оказывается, наши пограничники выделили им клочок земли рядом со своим постом, разрешили поставить две палатки, два щитовых домика. Пятнадцать украинских пограничников завезли через Воронежскую область. Так что когда в прессе идет сообщение, что груз осмотрен и украинской стороной – это правда. И ничего, что наши парни подкармливают соседей, позволяют им, допустим, постираться. Пусть видят хотя бы эти 15 погранцов, что по-человечески, по-добрососедски жить можно даже в такой напряженнейший момент взаимоотношений.

Предупреждение пересекающим границу одно: всем вернуться назад с этой же колонной. А мечталось остаться на подольше...

За нашей границей – метров триста нейтральной полосы, затем... Затем пункт пропуска с флагами Луганской Народной Республики. Никаких обозначений, символов Украины нет, так что вроде как бы на Украину и не въезжаем. Луганчане колонну не осматривают, желают лишь счастливого пути.

Но и говорить о беспечности ополчения не приходится. Едва достал фотоаппарат, рядом вырос крепкий, армейской выправки мужчина в куртке. Показал свое удостоверение. Удостоверяюсь: да, имеет право интересоваться, кто я и что делаю. Протягиваю свое предписание на сопровождение колонны от Союза писателей России. Еще не взяв его в руки, очень гражданский товарищ улыбается:

– Вот будет интересно, если фамилия у вас окажется Иванов...

Улыбаюсь и я, потому что предписание соответствует паспорту...

Первым в луганском поселке Изварино нас встречает Ленин. Бетон во многих местах памятника лопнул, пальцы в протянутой руке сбиты, но ведь стоит, не свергнут, не облит краской, не охраняется. Значит, и впрямь Донбасс не позволил хозяйничать на своей земле ново-явленным бандеровцам.

А первая «гуманитарка» достается прибежавшим на гул двигателей дворнягам – водители делятся с живностью кусочками из своего сухпайка. Каждая минута светового дня на

счету, дороги оставляют желать лучшего, и едва последняя машина минует погранконтроль, устремляемся к месту разгрузки. В Луганске наливникам идти сливать топливо в одно место, стройматериалы везутся в другое, продовольствие – на склады на окраине города. На воротах недвусмысленное объявление: «Содержимое склада является государственным резервом ЛНР. Самовольное проникновение и вывоз товаров и материальных ценностей расценивается как мародерство. Приказ штаба Армии Юго-Востока».

Нас ждут распахнутые ворота складов и волонтерские группы грузчиков. На спинах, карами, в руках, переброской по цепочке принялись кочевать из-под тентов в складской полумрак сыры костромские, греча ядрица, памперсы, сгущенка белгородская, макароны липецкие, стиральные порошки, шпроты в масле, печенье брянское, мука, сахар, вода бутилированная. Летал в коробках «Вася-Василек» – конфеты в шоколадной глазури. Несли, как хрусталь, боясь повредить коробки, детские подарки из Орла. В вывалившемся из кузова огромном пакете оказался целый зоопарк из мягких игрушек для самых маленьких луганчан...

Контроль за распределением «гуманитарки» тройной – подъехавшие сотрудники правоохранительных органов с уже знакомым по границе товарищем, сотрудники Центра восстановления республики, местные органы власти. Достанутся, обязательно достанутся подарки и вам, пацаны, бежавшие утром к трассе. Не зря же на рынках Донбасса нет товаров из доставляемого гуманитарного груза. Единственное исключение для нашей колонны – перезагрузка из Ростовской машины в «Камаз» из Алчевска. Но это святое, это продовольствие точечного назначения в 10 тонн предприниматель из Ростовской области, родившийся в Алчевске, лично закупил именно для своих земляков...

По периметру склады и нас охраняет военная комендатура. Времени на общение нет, успеваю перебраться лишь парой вопросов:

– К чему за время войны выработалось самое большое неприятие?

– К футбольному клубу «Шахтер»!

Вот те раз! Не ночные бомбежки? Не расстрелы детских садов?

– Мы их так любили! А они взяли и уехали. Во Львов. Им что, есть было нечего? Или деньги затмили разум и совесть до такой степени, что стало все равно, с кем сидеть за одним столом? – Высокий, укрытый, как бронезиловым, магазинами из-под автомата парень поясняет с болью и за любимую команду, и за спорт в целом: – Самое страшное в войне – это человеческая подлость. Один Ярослав Ракицкий отказался входить в сборную Украины: «Я не стану играть в одной команде вместе с фашистами»...

– А еще надо обязательно вернуть Мариуполь, – добавляет напарник. Мариуполь – это да, это важнейший стратегический узел... – Просто там очень красивые девушки, – уточняет, однако, о своем, желаемом.

Улыбаемся. Жизнь продолжается.

Как ни работали самоотверженно, без перекуров грузчики, но последнюю машину освободили лишь затемно. Еще несколько минут ушло на сверку между старшими «Рубежей» и заведующими складами по принципу «сдал-принял». День и впрямь короток, колонне на ночь оставаться на воюющей территории нельзя, и вновь зажигаются майорские звездочки-габариты колонны. Бежит, боясь опоздать, один из грузчиков:

– Мужики, мимо поселка Верхний Мамон под Воронежем будете проезжать?

Название знакомо, киваем.

– Посигнальте там. Я родом оттуда...

А кто-то недоумевает: кому и зачем помогаем...

– Внимание по колонне: проверить книжки на полках.

«Книжки» на сегодня – это мы, сопровождающие.

Мы на месте. На полках. В следующий раз и позывные, и номера на лобовых стеклах машин поменяются, так что пусть кто хочет перехватывает и расшифровывает эфир.

Скорость возвращения, несмотря на пустые машины, невелика: Луганщина пока еще не может похвастаться освещением улиц. Но есть огни кафешек, мелькнул ЗАГС, светятся пункты мобильной связи. Вроде нет войны, вроде все мирно и спокойно. Только на выезде из Луганска, на обочине застыл черным остовом сторевавший вместе с экипажем ополченцев и оставленный памятником танк. Различаю на его обожженной броне живые цветы. Фролу хочется посигналить в память о погибших, но сдерживается, потому что любой непонятный звук, выбивающийся из общего ритма движения, может быть расценен как сигнал тревоги.

Мы вернемся в Ростов в 2 часа ночи, а расстояние в 414 километров (туда и обратно) займет у нас почти сутки. Величайший подвиг водителей, пусть и без знаков отличий на плечах, без знаков солдатской доблести на груди, но с шевронами спасателей на рукавах. Мечтающих встретить Новый год в кругу семьи, но готовых стать под новую погрузку в любой момент.

А я ехал и старался не пропустить место, где стояли, встречая нас утром, пацанята. Уже темно, но вдруг дождутся – я приберег для них конфеты. Но если спят, то это тоже благо: хоть на одну эту ночь, но мы своим появлением изъяли у войны обстрелы, слезы и стоны. И потому им может сниться Дед Мороз с подарками. И как они бегут к нему по летнему, чистому, ровному полю.

Во сне так бывает...

Федор Березин

Резервация. Самый надежный бизнес

– Уважаемый, пан Андрий, мы хотели бы поговорить с вами о вашем бизнесе, о передовых достижениях вашей фирмы, о ее вкладе в экономику нашей родной страны, а также о взаимосотрудничестве с глобальной мировой экономикой. Ведь не секрет, что ваш консорциум в настоящий момент занимается наиболее передовой и быстро развивающейся отраслью экономики.

– Безусловно, пани Тома, наша отрасль, без бахвальства, является ныне ведущей в сфере экономического прогресса. И именно в ней ныне сошлись векторы нашей украинской макроэкономики. Скажу даже больше. Именно с бизнеса нашего профиля и началось настоящее возрождение нашей с вами Родины. И прошу учесть, в этом виде бизнеса, именно наша фирма значится наиболее успешным звеном.

– Извините, пан Андрий, а к чему все же можно отнести вашу деятельность? К сфере строительства, сервиса, безопасности или к чему-то совсем другому?

– Можно сказать и так, но это, конечно же, не будет охватывать всего спектра услуг. Более того, мы ведь все время расширяем сферу приложения своего капитала и своих навыков. Например, с недавних пор мы начали заниматься подготовкой специалистов не только для собственных нужд, и не только для других корпораций нашего профиля здесь, у нас, но даже для других государств.

– Вот, пан Андрий, у меня как раз готовился вопрос и на эту тему тоже. Правда ли, что инструкторы вашей корпорации, передают свой опыт другим странам Пограничного Рубежа?

– Конечно! Кому, как не нам обучать эти страны правильному обращению с колониальным наследием? Наша страна нашла свою нишу в мировом разделении труда. Более того, в этой нише, мы находимся на самых передовых позициях. Свой опыт в архитектуре и строительстве мы с удовольствием и с большой финансовой выгодой как для себя, так и для нашего государства в целом, передаем всем, кто желает. А желают многие, как вы понимаете.

– Ага, значит вы занимаетесь сферой обучения? То есть образованием. А вот как по архитектуре и строительству? Можно ли более конкретно по этому вопросу?

– Конечно можно, здесь нет ничего секретного. Наша частная, но, хочу вам сказать, весьма тесно сотрудничающая с государством, корпорация, является передовиком в технологии создания охранных периметров. То есть система отделения выделенных территорий применяемая во вверенных нам зонах, на сегодня самая «продвинутая» в мире. У нас применяется лазерное слежение за нарушением заборной плоскости, токовое отсечение попыток проникновения с обеих сторон, противоподкопная сейсмосистема датчиков-обнаружителей и низкочастотное подавление активности в требуемом радиусе, в случае выявления активации. Затем, естественно, башенная автоматизированная технология засечки и сбивания планеро-парашютной деятельности. Ну и не забывайте, наши заборы самые высокие в мире. Последние наши новинки допускают возведение стен до сорока восьми футов. Эту технологию, кстати, в настоящее время мы успешно продаем нашему давнему партнеру – Израилю, для нового огораживания палестинских территорий.

– А вот известный ныне СПБН – это тоже ведь ваша разработка, правильно?

– Конечно, так называемая, технология «скользи, падай, бейся носом» – это наша гордость. Представьте, что происходит, когда ее применяют на высоте сорок восемь футов?

– Это значит...

– Шестнадцать метров! Почти шестизэтажная постройка.

– О, представляю.

– Хочу вам похвастать еще одним достижением. Именно наш консорциум выиграл тендер на возведение дополнительной пограничной стены вдоль варварской территории.

– А что, разве укрепрайоны, построенные Северо-Атлантическим блоком, никак не могут выполнить свою функцию?

– Да, нет, что вы такое говорите о наших вернейших и надежнейших союзниках. Просто у наших защитных полос различные функции. Натовский пояс сберегает нас от набегов варварских полчищ оттуда, с радиационно... в общем, от обеззараженной и «обезварваренной» территории, наш же, наоборот, не позволяет отдельным, аномально пронырливым организациям, сумевших каким-то путем преодолеть заборы резервации... огороженных зон, и влекомых инстинктами на восток, запросто покинуть государственные границы. Вы же, наверное, понимаете, что начнется, если каждый организм сможет вот так, за здорово живешь, пробираться куда ему хочется?

– Но давайте, пан Андрий, все же вернемся к самой постройке.

– С удовольствием, пани Тома. О нашей стене я могу рассказывать часами.

– Нам не дадут столько эфира, пан Андрий.

– Тогда поторопимся, пани Тома. Так вот, это будет система башен, созданных по новейшей технологии. Башни постоянно и в автоматическом режиме обмениваются информацией. Например, обо всем подозрительном в радиусе одной мили. Инфразвуковые подавители постоянно простреливают... ну, в смысле, облучают территорию между башнями. Лазерные лучи невидимого человеческого глазу, а следовательно, и глазу организма, диапазона засекают все движущиеся предметы размером более кролика, самонаводящиеся ультразвуковые сонары, с возможностью перестройки частоты делают из окружающей местности...

– Пан Андрий, это все новейшие технологии, а как насчет...

– Традиционно и давно известных? Безусловно! На каждой вышке имеется прожектор, понятное дело, многоствольный автоматически наводящийся на цели пулемет. Ну и конечно, специально выдрессированные овчарки кавказской породы, которые... Кстати, воспитываются эти модифицированные, стокилограммовые песики по методике нашей фирмы. Школы расположены вблизи охраняемых зон, чтобы иметь возможность без особых хлопот и быстро пополнять дрессировочный инвентарь.

– Но вы упомянули об исконно традиционных методиках. Как насчет...

– А конечно! Кроме системы башен вдоль охраняемой полосы будут передвигаться казацкие конные патрули. По традиции, они, понятное дело, снабжены нагайками, шашками и прочим, по прейскуранту. Каждый из наших казачков пройдет специальный курс подготовки. Например, только работе с плеткой, на курсах уделяется около ста часов учебного времени.

– Впечатляет, пан Андрий. И думаю, такая доскональность подхода понравится нашим зрителям.

– Я тоже надеюсь, ведь каждый из слушателей вполне должен понимать, что именно об их безопасности и печется моя корпорация в первую очередь.

– Пан Андрий, а вот ответьте, пожалуйста, на такой сугубо экономический вопрос. Даже два вопроса. Вкладывают ли иностранные компании свои средства в ваше производство и развитие технологий?

– То есть идут ли к нам инвестиции из-за рубежа, так я понимаю? Да, представьте себе, идут. Ведь очень многие страны Свободного мира весьма заинтересованы в наших технологиях. Кроме ближнего зарубежья граничащего с варварскими пространствами, это еще Израиль, ну, некоторые латиноамериканские страны, даже, представьте себе, Ирак! Там ведь сейчас осуществляется большой международный проект – огораживание Багдада от остальной, тоже можно сказать, «оварваровившейся» территории. Наши универсальные вышки, например, вызвали у тамошних предпринимателей повышенный интерес. Еще, конечно же, Юго-

славия. Все, понятное дело, слышали о проекте отделить варвар... бывшую сербскую зону от остального урбанизированного пространства европейского выбора.

– А вот, пан Андрий, мой второй экономический вопрос. Правда, вы уже его несколько трогали, то все же уточним.

– Я весь внимание.

– Вкладывает ли наше собственное государство средства в ваши проекты? На счет его заинтересованности все наши зрители наверняка уже поняли.

– Конечно, вкладывает. Пару месяцев, правда, имелись некоторые перебои, но теперь, после нового транша Всемирного банка в нашу государственную экономику, все снова наладилось.

– Мы все за вас рады, пан Андрий. За вас, и за вашу фирму.

– Спасибо большое.

– Пан Андрий, а вот еще интересно. Касательно осознавших свою ущербность организаций? Решивших перестроиться и пойти, так сказать, по эволюционной лестнице вверх? Есть ли у них шансы стать полноценными членами государства?

– Кстати, вопрос абсолютно правомочен. И он прорабатывался нашими юристами-правозащитниками. Между прочим, занимался им и Конституционный суд. Теперь можно сказать, что дорога открыта всем. То есть если организм полностью, как вы выразились, «осознал», то после разбирательств специальной конторой, он может быть допущен к экзаменам. Экзамены, как известно, стандартные. Язык, в пределах школьного курса, цитирование «Кобзаря» по памяти с любого места назначенного комиссией, знание новейшей истории Укромира, перечисление выдающихся побед УПА, а также всех титулов Виктора-Мученика, причисленного католической церковью к лику святых.

– То есть, ничего особо сложного?

– В общем-то, да. Однако, да не покажется это странным, только единицы умудряются пройти столь простое испытание, что конечно же свидетельствует об общем генетическом отставе...

– Извините, пан Андрий, а что происходит, если некий организм сдал экзамен и...

– Затем следует всего лишь годичный испытательный срок. Если в названный период организм не уличен ни в каких связях со своей бывшей средой, то тогда он сдает повторные экзамены. Для закрепления навыков, то есть, в плане организмов – отработки рефлексов – и проверки «свидомости». Если все реакции положительны, тогда организм признается субперсоной и имеет право выселиться из резерва... с контролируемой нашим охранным ведомством территории. Далее он имеет право на работу не связанную с государственными структурами или бизнесом, а также не имеет покуда права голосовать: сами понимаете, субперсона – это ведь еще не гражданин. Но ничего страшного. Ведь если субперсона не была уличена в чем-то противозаконном или в порочащих даже нормального гражданина связях с организмами, то всего лишь через двадцатипятилетний срок, субперсона может быть признана персоной, то есть полноценным гражданином.

– Конечно же, после пересдачи экзаменов?

– Безусловно, как же иначе. Да, надо добавить, что у названного правила наличествует существенное исключение. Это касается организмов, которые без всякого давления с нашей стороны, или иных государственных ведомств, начинают сотрудничать с нами в плане выявления террористических, подрывных и прочих структур. В отношении данных организмов мы применяем упрощенную систему экзаменов, а также в некоторых случаях более ускоренное отселение из резерва... мест естественного обитания.

– Понятно, пан Андрий. А можете привести какой-то конкретный пример, понятное дело, без указания фамилий, порядковых номеров и прочего?

– Да, совершенно недавно один из сознательных организмов указал нам на подпольное хранилище подрывной литературы на русс... языке организмов. Там имелись такие запретные авторы как Пуш... Ну, в общем, все и так понимают о чем речь.

– Ага, спасибо за интересный рассказ. Но для уточнения. Неужели этот склад псевдокультурных ценностей был расположен вне пределов этих самых «мест естественного обитания»?

– Нет, разумеется. Понятное дело, на территории, занятой организмами. И в этом плане, помощь осознавших свою ущербность представителей вида весьма помогла. Ведь организмы, как известно, весьма плохо поддаются дрессировке. Обычно они сотрудничают только после применения кое-каких разработок нашей фирмы из других областей технической науки. Кстати, наш консорциум сейчас занимается еще и подготовкой опытных дрессировщиков. Специалисты, получившие навыки в наших школах подготовки, пользуются спросом за границей. Помимо того мы готовим кадры и из состава направленных к нам на обучение иностранцев. Недавно мы подготовили более сотни дрессировщиков организмов для стран Прибалтийского Пояса.

– Ага, это в добавку к вашему рассказу о сфере образования. А вот, пан Андрий, ходят какие-то странные слухи... возможно, их распускают некие подрывные элементы... что условия во вверенных вам территориях ухудшаются. Уж извините за такой вопрос, но уж, пожалуйста, развеите сомнения.

– Ну, что вы, пани Тома! Условия содержания во вверенных нам резерваци... зонах естественного обитания... не только не ухудшаются – они даже улучшаются. Вот вам наглядный пример. Ранее был принят стандарт территориальной площади на каждого члена поселения в размере не менее девяноста квадратных футов на отдельный организм, а ныне он увеличен почти на двадцать футов, представляете?

– Да, это явный прогресс. Правда, уж извините, я, видимо, отношусь к несколько отставшей категории населения. Мне как-то трудно сразу переводить все эти футы и дюймы в устаревшие единицы измерения – метры. Просто я к ним привыкла почему-то.

– Пора отвыкать, давно пора, пани Тома. Делайте это как можно быстрее, вы ведь еще совсем молодая дивчина. У вас впереди огромные перспективы.

– Но все же вопрос, несколько связанный с только что услышанным. Многие наши зрители будут несколько растеряны и, говоря прямо, даже расстроены. Получается, если территориальные стандарты в резе... поселениях улучшаются, то... Ведь тогда в их состав снова переходят истинно украинские земли, или я не права?

– Нет, тут вы действительно не правы, пани Тома. Неужели мы подвергнем антинародной эксплуатации наши, отвоеванные многими поколениями предков земли? Опять отдадим их в лапы москальско... мафии организмов? Ни в коем случае. Сообщаю вам это со всей ответственностью. Просто в связи с общим падежом, на вверенных территориях количество площади на индивидуальный организм повысилось и именно поэтому стандарты получилось изменить.

– А вот скажите, пан Андрий, или просто-таки, помечтайте перед нашими зрителями. Каковы перспективы на отдаленное будущее. Даже, так сказать, на самое отдаленное. Имеется в виду в развитии вашего бизнеса.

– О, помечтать можно с удовольствием. Не знаю, конечно же сколько миллиардов, точнее, сотен миллиардов, а то и триллионов мировой валюты потребуется, но... Очень бы хотелось проработки на каком-нибудь из встреч глав правительств Свободного мира, и даже одобрения ООН, на строительство защитной стены вокруг всех остаточных варварских территорий. Этих москале... варварскую псевдоцивилизацию следует огородить просто-таки всю, не только со стороны государственных гра... бывших границ, имеется в виду. Понятно, что в некоторых местах их необходимо сдвинуть. Нельзя позволить, чтобы покуда отдельно живущие сообщества организмов могли, как и сейчас, довольно-таки запросто, проникать к Северному Ледови-

тому или Тихому океану. Не вижу, вообще-то, в этом ничего невозможного. Ведь вполне получилось огородить некоторые районы Сибири, богатые полезными ископаемыми, правильно? Почему бы, не сделать такое же и в других местах?

– Восхитительные планы. И я, как и, уверена, наши телезрители, очень надеюсь, что ваша корпорация примет в этих проектах активнейшее участие на благо нашей страны и всего остального мира. Даже выступит новатором и главным подрядчиком.

– Спасибо за добрые пожелания, пани Тома. И спасибо нашим слушателям от лица всей моей компании.

– И вам еще раз спасибо, пан Андрий. Напоминаем нашим зрителям. Я, Тома Осиченко, брала интервью у Андрия Недайхлиб, главы самой успешной из украинских компаний – концерна «Конотоп-Бабий-Яркорпорейшн».

Виталий Даренский

Счастливые дни

*Не верь в святую Русь, кто хочет, -
Лишь верь она себе самой, —
И Бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.*

Ф. Тютчев

В латинском языке, хранящем в словах своих мудрость имперского народа, слово «bellum» обозначает одновременно и войну, и совокупность всех самых лучших качеств – «милое, приятное, прекрасное, веселое, бодрое, здоровое». Слово «война» поэтому здесь звучит как «прекрасное дело». Для современного человека это более чем странно. Для нас, не видевших войны, война – это смерть, ужас, дикая боль ран и бездонная боль от потери близких. Война – это страшная сказка, которую лучше не знать. Но для древних, которые называли войну прекрасной, она была обычным и привычным делом. Войны шли регулярно, повторяясь, почти как времена года. Войны были абсолютно жестокими – истреблялись целые города и даже целые народы; пленных сжигали живьем, а младенцев разбивали о камни. Сама смерть и без всякой войны была обыденностью – люди жили мало, большинство детей умирало еще во младенчестве, а регулярные эпидемии и голод истребляли население целых областей. И вот эти люди называли войну – «прекрасная». Что же они знали такое, чего уже не знаем мы?

Для нашего времени война кажется настолько чуждой и странной, что даже самое небольшое касание к ней вдруг приоткрывает эту тайну. Мне, к сожалению, воевать не пришлось из-за плохого зрения, не пришлось защищать родной Луганск от новых нацистов, которых взрастила Украина, как ядовитую плесень. Но тайна войны коснулась и таких, как я. Война происходит не только на фронте – она, как невидимый эфир, окутывает все вокруг и проникает в сердца. Мир становится каким-то другим, и прошлая жизнь кажется сном, от которого нас пробудило что-то намного более важное и существенное. Когда вдруг внезапно почувствуешь, что война, вопреки всему, – это действительно bellum. Так было и у нас.

Война – плод смертельного оскорбления и страсти умереть за Правду. Двадцать лет Украина оплевывала и топтала все русское, ложью и забвением пыталась убить наши души. Это единственная в мире страна, в которой язык большинства населения не является государственным. Таких стран больше нет. Это единственная в мире страна, которая полностью уничтожила свою историю, поставив на ее место подлейшие мифы, сочиненные в ведомстве Геббельса, а ныне из бандеровских листовок со свастикой 1943 года без всяких изменений перекочевавшие в школьные учебники. Это единственная в мире страна, в которой «правильное» национальное сознание основано на одной лишь ненависти – ненависти к русским. Но русские все это терпели, проявляя христианскую суть своего национального характера. Хотя многие скурвились, перейдя на сторону нацистов и став едва ли не самыми наглыми из них. А большинство ни на что не обращало внимания, надеясь в глубине души, как и их далекие предки, что скоро «Бог переменит орду». Единицы боролись, иногда жертвуя жизнью и судьбой. Единицы, не понятые другими, молились в церквях о «преодолении разделения народов Отечества нашего» и о «соединении Великия, Малыя и Бела Руси». И казалось, что этому не будет конца, и ничего уже не изменится при нашей жизни.

Но зло само разоблачает себя и ищет свою погибель. Вот оно снова выползло на «май-дан» – на то место, где когда-то Батый ворвался в Киев, а потом еще много веков было «козье болото», на которое ходили колдовать киевские ведьмы. Снова заработала американская технология monkey – «обезьянника», когда многие тысячи еще вчера вполне нормальных людей,

собравшись вместе, вдруг становятся невменяемыми, и их обезображенные злобой рты орут непрерывные проклятия. Их сознание замутнено настолько, что свое бесноватое состояние они называют «революцией гідности (достоинства)». Те, кто остался нормальным, назвали это «революцией гадности». Но по отношению к нормальным уже работает своя технология – такой поток лжи и оскорблений, который должен изобразить из них абсолютных нелюдей, подлежащих уничтожению.

Что греха таить, стерпели бы и в этот раз, если бы не одно большое НО, навсегда и бесповоротно сломавшее все планы заокеанских хозяев. Это – черно-красный бандеровский флаг, флаг гитлеровских холоуев, воевавших со своим народом. Двадцатилетняя тотальная «промывка мозгов» уже вырастила целые поколения несчастных дикарей, не знающих ничего, кроме геббельсовской лжи и этой сатанинской красно-черной тряпки – цвета тьмы преисподней и адского пламени. И они уже нагло думали, что они пришли сюда, как в пустыню, что здесь уже никого нет, кроме них, и никто уже не помнит тысячелетнюю Русь. Они ошиблись – и ошиблись навсегда.

Горек было Новый 2014 год от Рождества Христова – кипел наш народ обидой и гневом на творящееся в Киеве беззаконие, на безвольного Януковича, боявшегося очистить «майдан» от беснующегося фашистского кодла. Двадцать лет сжималась пружина боли и дошла до предела, и осталось ей теперь только одно – выпрямиться во всю силу. Но как? Как?

А во всех людных местах Луганска гудит боль и возмущение – словно пробудившись ото сна, люди высказывают то, что наболело еще от того, первого «майдана», девять лет назад по-хамски плюнувшего в лица нам, «юго-востоку». И в обрывках разговоров – настоящие «перлы»:

– Еврохолуи! Привыкли в Европе мыть сортиры и ничего другого не умеют и не хотят. Эта Европа их держит за дешевую прислугу, а они и рады. Бандеровщина проклятая! Пусть валят в свою жлобскую «Эвропу», а нам не мешают жить по-человечески! «Революция гідности»! Не смешите! Какая там «гідность»? Какое достоинство? Они хоть знают вообще, что это такое? Евробыдло! Американские подстилки! Укрозомби!

– Революция гадности! Все гады опять повыползали – давить некому. Янукович, как лох, трясется за свои бабки, которые у него на Западе лежат, все слушает, что ему оттуда скомандуют. Мы за него голосовали, думали, защитит от этих бандер и от Америки, будем дружить с Россией, а ему на нас наплевать. На том же Западе такой «майдан» уже давно бы разогнали и пересажали. А в Америке по закону в тех, кто с полицией дерется – сразу огонь на поражение. Там бы за полчаса от «майдана» мокрое место осталось. А нам Америка командует: «Нельзя! Уберите «Беркут» с улиц!» Лицемеры проклятые! Мы же им не командуем: «Смените охрану в Белом доме!»

Интеллигенция рассуждала спокойнее и основательнее:

– Какой инфантилизм, вы подумайте! Сотни специалистов в один голос говорят, что ассоциация с ЕС убийственна для нашей экономики, она окончательно добьет промышленность и сделает из нас сырьевой придаток, эдакое европейское Зимбабве. Никаких инвестиций не будет, им нужна только наша сверхдешевая рабсила и рынок утилизации ширпотреба. Нет, ничего не хотят знать – хотим в «Эвропу», и все. Детский сад! Показали конфетку с красивым названием – и делай с нами, что хочешь. И ладно бы толпа, а то люди с учеными званиями и студенты лучших университетов – по своему идиотизму ничем не выше самой темной толпы. Увы, это Украина, детка. Нормальным людям здесь уже давно делать нечего. Нужно сваливать в Россию – это великая страна с великим будущим и мудрым народом.

– Все дело в том, коллега, – добавлял другой, – что эти университеты и звания уже ничего не значат, если они достались плебеям с хуторянским мышлением. Дело в том, что когда произошел отказ от великой имперской традиции в культуре и историческом сознании – сразу наступила обвальная деградация души, мышления и нравственности. На Украине навязыва-

ется псевдокультурный стандарт галичанства – этого несчастного племени на территории Галиции, которое семь веков жило в рабстве у других народов и еще в середине XX века пребывало в Средневековье. СССР вытащил их за уши из их дерьма, приобщил к цивилизации – но именно за это они его и ненавидят. Все закономерно – дикари хотят вернуться в дикость, рабы – в рабство. Еще гетман Скоропадский очень быстро понял, с кем связался. Вот что он пишет в своих воспоминаниях, страница 233, послушайте: «Узкое украинство – исключительно продукт, привезенный нам из Галиции, культуру каковой целиком пересаживать нам не имеет никакого смысла: никаких данных на успех нет и это является просто преступлением, так как там, собственно, и культуры нет. Ведь галичане живут объедками от немецкого и польского стола. Уже один язык их ясно это отражает, где на пять слов – 4 польского или немецкого происхождения... Великороссы и наши украинцы создали общими усилиями русскую науку, русскую литературу, музыку и искусство, и отказываться от этого своего высокого и хорошего для того, чтобы взять то убожество, которое нам, украинцам, так любезно предлагают галичане, просто смешно и немыслимо».

– Плебейство – это еще слишком мягко сказано, – добавлял третий – Нет, еще и гнусность и подлость в их самом крайнем проявлении! Обратите внимание, почему они всех нормальных людей называют «ватниками» и «колорадами»? Потому что хотят, как самые последние хамы, плюнуть людям в самую глубину души. «Ватники» и «колорады» – это Красная Армия, освободившая мир от нацизма и фашизма. Армия, одетая в ватники, разгромила Гитлера под Москвой и Сталинградом, форсировала Днепр и освободила Киев. В ватнике был Александр Матросов, когда бросился на амбразуру. А Георгиевская лента – на медали «За отвагу», а ранее – на Георгиевском кресте. Украинские нацисты нагло плюют на могилы своих же собственных предков, которые сейчас в гробах переворачиваются, узнав, кем стали их потомки. Они перешли на сторону Гитлера! И они же сами себя разоблачают! Сами признаются, что они теперь нацисты, если ненавидят все, что связано с победой в Великой Отечественной войне! Само это название им уже ненавистно и его уже убрали из учебников. Но их конец будет таким же, как у их предшественников – на мусорнике Истории!

Но разговоры разговорами, а ничего не менялось: «майдан» нагло стоял, Янукович трусливо бездействовал. Видимо, «Беркуту» это надоело, и он по своей инициативе пошел в наступление, занял часть «майдана». Нацисты уже подожгли Дом профсоюзов, чтобы уничтожить то, что они там оставили – трупы, оружие и наркотики. А «Беркута» очень мало перед огромной толпой фашистов, но он геройски наступает даже без приказа трусливого Януковича. Тогда наступает кульминация: наемные снайперы стреляют в «Беркут» из консерватории и гостиницы «Украина», заставив его потерять два десятка убитыми и ретироваться с «майдана», а затем с тем же успехом отстреливают больше сотни глупых майданных боевиков, которые как заготовленное пушечное мясо, ринулись вверх по улице в сторону администрации президента. В Раде подкупленные депутаты Партии регионов вместе с нацистами голосуют за отмену антитеррористической операции. Те же самые люди, которые наняли снайперов, объявляют убитых ими боевиков «небесной сотней», а про убитых милиционеров никто даже не вспоминает. Исторический акт величайшей подлости и лицемерия свершился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.